

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТИЙ (¹).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школы, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Кушинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокыхъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библии, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библии, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(¹) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1839 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умствешную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человекъ, теряла способность выражаться поэтической рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный приѣздъ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сквородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Скворода не былъ, Скворода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фолиантахъ схоластической бесплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фолианты на домашнія потребности, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарахъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человеческими. Будь эти фолианты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фолианты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственных силъ и столько времени потрачено на труды, недостойныя вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Кошаевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словозвѣтій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышавшихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ кафедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ риторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебныя гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покаместъ одинъ *Климентій Зльовіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ - Иллічемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиляется передъ «благоразумными» читателями, и «особливо передъ виршопіисами» въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество «силлябъ» и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслить въ ірмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рави. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, «будучи въ гоненіи». Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 324-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листовъ въ началѣ, многихъ листовъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколько въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотытлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именяхъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Кліментій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру свисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себя противорѣчитъ, оправдывая то, что прежде порицалъ. Вообще, онъ — поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямого замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безответныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Кліментія слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцовъ, оправдывая ихъ насмія.

О идучих на слободы людехъ (¹).

Кто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житіѣ слободы:
 мáло вхóдять змежъ такіхъ великоп бѣды.
 Бо готовыя хаты идучи покидають:
 а прышедши на слободу готовыхъ немають.
 А що найгоршеи часомъ худобы забырають:
 и тылко що зъ душами живыхъ оставляють.
 Уже жъ тогда где зхóчеть то скóчить хочъ к лѣсу:
 и гóлыи уже паветь хочъ к самому бѣсу.
 Пожытѣчная ему судылась слободá:
 довбáнная пустыня и лика и водá.
 На що любо зволится (:) хочъ утопѣтца:
 а ежели захóчеть (,) вóлно и вдавѣтца.
 Отожъ мѣшъ за свое теперь дурный мужиче:
 а бывший на своего пана бунтовниче.
 Не хотѣлесь панови послушенство отдавать.
 и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ единомъ мѣсцу пробувать.
 Гинь же теперь за свое злое непокорство:
 и за упрямую твою гордость и упорство.
 I добре тые чинять, що прочани обдырають:
 Богъ ихъ проститъ, за тое згола грѣха не мають.
 I не тылко потреба бѣ такіхъ обдырати:
 але и з самими душами разлучати.
 Поневажъ не хотѣвъ пудъ кнѣзь бувъ чинити повинность
 обдерѣ и хочъ забити за тую учинность.
 Богъ за бунтовникá якъ мовать неповѣситъ:
 але и нагородю еще потѣшитъ.
 Кдыжъ учинивъ своему пану пакость многу:
 нетылко пану и самому Богу.
 Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бѣ претерпѣти:
 а за терпеніе спасеніе могъ бы мѣти.
 Зачимъ вы панове такыхъ не вáжтєсь щадѣти:
 вѣвѣающихъ прочъ самыхъ дерѣтъ, бѣтъ и берѣтъ дѣти.
 I отнюдь милости такимъ не показуйте:
 але совершенно такъ таковымъ справѣйте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдашняго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человекъ, какъ это свидѣтельствуетъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Въмѣсто закона, господствовала обычай, установленные правомъ сильнаго. Возмущившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(¹) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали годаго, только съ душою. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человекъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на свободу (!) Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отпятиемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шути увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: »Какъ ты ни живъ, а все живъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человекъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

(1) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи украинскаго населенія при Разумовскыхъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что «сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши еднажды на свою землю мужика, много и пныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому», самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденіе мужика къ работѣ. Естественно, человекъ, сознавая себя не исключимымъ рабомъ другого человека, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики «по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подпяться.» Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ правовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страдавіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлечь словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльные условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ все преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибы онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ, — онъ бы не умствовалъ лукаво о томъ, что не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притушится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженнику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ беспорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волини и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣлствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской кельѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шахи женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его позднія сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворнымъ филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопробываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было внѣшней и внутренней системы, — книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перѣскакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіанскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орфографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются неперечувенными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ. слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *свѣта одъ свѣта*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ переиѣны, какъ напримѣръ окончаніе *ль* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникахъ, хто кому дѣлженъ, або тежъ вѣнень.

Не дай, Бже, позичать, алѣ дай свѣб мать,

бо мѣвають: *Душно, якъ два прѣвать, третѣму нічого дати!*

Добрѣ такому чегѣ-кѣльвекъ позичати,

котѣрий мѣжетъ въ прѣдкомъ часѣ и отдати,

А віинному двоїка часомъ скорбь бивасть,
 гди презъ пазначенний часть двѣе отдавасть;
 Же то есть такая речъ нудь часть меновите:
 должний на себѣ облікъ⁽¹⁾ дасть отдать совите⁽²⁾.
 И виділемъ на свѣті тѣе въ своємъ віку,
 же презъ прѣшній термінъ далъ двѣе чоловіку,
 И суженно на суді, би тѣе стало такъ.
 На Волинно єдинъ ся ошукалъ неборакъ,
 Во мовилъ: »Когдѣ въ той часть зупбно не отдамъ,
 хочъ єдинъ день похіблю, мовить, двѣе отдамъ.«
 Такожъ сму бідному за нещастямъ стало,
 же другої половини дарєние не стало.
 Присудилъ Ляхъ, жебъ Жиду Русницъ отдалъ двѣе,
 и мусилъ⁽³⁾ старатися бідний біло о тѣе.
 Хто жъ, чи судія томъ вишенъ, чи самъ віинний: —
 Не вимъ; подобно, бѣльшой ошукался віинний:
 На що біло въ облиці такъ ся обіцати,
 же презъ реченєць бѣду двѣе отдавати?
 И то не готовізню далъ, тилько всю худбю
 въ сту талярѣхъ, ажъ протѣ збулъ свою оздобу⁽⁴⁾,
 Же много изъ жалости хорилъ для Фрасунку⁽⁵⁾,
 потомъ сталъ пить и умєръ зъ хмєлєвого трѣнку.
 А жонѣ, при злої нєндзі⁽⁶⁾, пошла запрядати,
 а діти свої Жидамъ почалѣ наймати.
 Прєто⁽⁷⁾ не дай намъ, Бѣже, въ долги упадати,
 алє и должнпмъ дай всєкрі свобождати.

Волинь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русницъ вграють на Волини, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, чтѣ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шники и заѣздыя дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигиряна, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ⁽⁸⁾. Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(1) Обязательство. — (2) Съ лихвою. — (3) Слово *мусити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ль*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соответствуетъ моему *і*. — (4) Красоту. — (5) Горести. — (6) Нуждѣ, бѣдности. — (7) Потому-то.

(8) Самоє слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ «мнѣнія Мазены объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды», посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и маестностей, данныхъ разнымъ особамъ, «происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ большую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Цыганахъ и о Жидѣяхъ.

Цыгане да Жиды еднй еднѣмъ равни,
 понѣважъ (¹) вельми тве люде есть злонравни,
 Бо въ нихъ толькы есть правди, якъ въ шѣлагу сребра...
 бодай имъ безпрестанно кати крушили ребра!
 Же збитѣчнее (²) людямы чинять ошуканства,
 где-кбльвекъ (³) прихавши до якого панства,
 А землі своѣй згбла (⁴) нигдѣ соби не мають,
 тилькы, не мовячи, якъ Цыгане пробувають,
 Тако жъ тѣлятса и Жиды по всемъ свѣту
 абѣ-гдѣ въ якіхъ зѣмляхъ и въ котрѣмъ повѣту.
 А прѣсяжъ (⁵) где есть Жиды — свої двори мають,
 а Цыгане где день, где ночь по свѣту туляють.
 Якъ не міють домовъ, щобъ и щастя не мали,
 а наостатокъ жеби и дѣбли ихъ побрали!
 И дай, Господи, абѣ тѣе такъ ся імъ стало,
 ижъ би на віки тоѣй нечистотѣ не стало!

Эти послѣдніе стихи дышуть фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще незабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощадеиъ ко всему, чтó противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльны-

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ пропзносятся голоса, къ шатости склопные.» — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именовъ изъ давныхъ временъ (части для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышлепныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Боданскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(¹) Повеже. — (²) Чрезвычайные. — (³) Куда-нибудь. — (⁴) Всею.

(⁵) Однакожь, при всемъ томъ.

ми напѣтками, которые хвалятъ безусловно. Впрочемъ, хвала музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино ліюущихъ и особъ наклѣны творящихъ піюущимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курятелей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари въ *горілку, въ судна табакъ вовертають*. Это — фактъ интересный (¹). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табáci и о уживáющихъ ея.

Злáя влодiлася речъ и всюди есть явна,
же рбзний людъ заживáетъ табáку здáвна;
А бáрзiй въ Литви тое вѣльми недбре,
бо жбнн и дiти ихъ заживáють добре.
И тутъ такiхъ есть мнбго, же ея вживáють;
тiе нбздрами пахáють, а тие втягáють,
И, хто тобб навчiвся, и лiюлькою тягнiуть.
Потрѣба бъ доконѣчно одъ тбго повстáгнiуть,
Бо въ немъ часть пекельного дiму обрiтáетъ,
и хто тiгнетъ, то изъ устъ тобб смрадъ пзхождáетъ.
И хочъ и влáстi тiгнiуть, еднáкъ не обель (²) то чѣстно;
а нюхати наипáче брiдко и безчѣстно,
Кгдижъ, тiпучи димъ, прочъ вопъ изъ устъ випущáетъ,
а нюхáючи пáче себѣ осквернiетъ:
Же въ нбздрахъ та нечiстость емy остаѣтся,
съ чебб чáсомъ и нѣмоцъ лiютая стаѣтся;
Бо мозгъ въ головi егб табáка зушáетъ,
же влáсне (³) якъ шведъ дубомъ шкiурн переспиáетъ.
И не слышитъ табáчникъ збитний ухániя,
а нi смрадъ, тежъ благоухániя.
Такбму и священства особъ возбраняють,
и святiти не всiюда такiхъ позволяють;
Бо, хто нбсомъ не чiуетъ, не цiль пробувáетъ,
влáсне составу собi якого не мáетъ.

(¹) Котляревскiй упоминаетъ также о *тютюнкowej горiлкѣ*, въ описанiи каррикатурнаго рая:

Сидiли, рiки поскладáвши,
Для нихъ все празникi булi,
Лiюлькi курiли полагáвши,
Абб горiлочку пилi, —
Не тютюнкбву и не пiну,
По третiйрббну перегiну...

(Енеида, изд. 1808, стр. 138).

(²) Совсѣмъ. — (³) Словно.

А священство мiєть той обiчаи отъ вiка,
 же трѣбуєть цілого на то человека.
 Есть же и такiє, що иише и лдiтъ,
 п тiє пiче Бѣгу и святiмъ всiмъ брiдiтъ.
 А пiше въ горiлку въ сiудна вовергають.
 и, на погiбель собi, людѣи оскверпiють.
 Такiхъ би годило бѣ ся не тiлько кiємъ битъ,
 алѣ иибо хочъ би и пзъ свiта згубiтъ.
 Осбно жѣ ииши навiкъ бардакомъ⁽¹⁾ тiгпiти,
 презъ котѣрии не единому пришло смiслу збiти.
 Иише бо бардакомъ такъ ся затягають,
 ажѣ пiгле дiуши свои въ той часъ извергають
 И самiхъ себѣ бiсу ошiру⁽²⁾ давають,
 якъ тiє, що зъ горiлки пiянне вимирають.
 Тимъ оббiмъ пекельна бiдетъ нагорода:
 отгiметъ бо ся отъ нихъ отъ негѣ свобода.
 Намъ же по-христiянскiй даи, Христѣ, умiратъ
 и, позбiвши всiхъ грiховъ, нѣбо наслiдовiтъ.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горiлкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодование въ Климентiѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленiе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горiлку. Изъ его стихотворенiя по этому случаю мы выводимъ печальное заключенiе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христiянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина⁽³⁾. Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религiя, которую исповѣдуетъ человекъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религiозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленiя во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученiе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мирянъ общими риторическими мiстами. Духовные витiи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ несправедливымъ стяжанiямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

⁽¹⁾ Табакомъ. — ⁽²⁾ Жертву.

⁽³⁾ Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодование на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣроу умаленное не продано было вино, которымъ образомъ пѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ, и пр. (Чтенiя, изд. Бодякинскимъ, 1839, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильного, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купцѣхъ и о продавцѣхъ фальшивихъ и о продающихъ вино и воду въ вино (сирічъ въ горілку) ліющихъ и о особѣ наклѣпи творящихъ піюцимъ для душегубнихъ имъ прибітковъ.

Отбъ вамъ тремъ персонамъ тбе ся звѣщаєтъ,
же за тбе васъ всіхъ гнівъ Божій ождѣаєтъ,
Поневажъ то у вино воду мішаєте
и Бѣгу крѣпко, крѣпко тимъ согрѣшаєте. (¹)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмельныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваєтъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознаєтся, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилошанахъ, збитне (²) трукнѣ горільчанинъ заживающихъ и на ўтреняхъ въ церквѣхъ небивающихъ.

Не дивно єсть горілку крилошаномъ не въ часъ пїти,
алѣ найдвнїишъ въ цѣркві ўтрєні не пропусти́ти.
Бо за слўжбу Божію не такъ старшіи карають,
а за непритѣмность ўтреннюю не пропускають.
Кгда жъ ўтреню подвигомъ великимъ назпвають,
а за литургію, любь большъ важнїиша, пробачають.
Въ часъ слўжби Божой не всякъ человекъ можетъ спати,
а до ўтрєні, хочъ звонъ чўєтъ, не хочєтъ вєтати.
Зачїмъ ўтрєнний подвигъ на свѣтї єсть двнїишнїи,
а до слўжби Божой южъ не тако чуднїишнїи.
А такъ, братїє, до ўтрєнь ся спнїмо,
хочъ часомъ, ложася спати, и горілки напїмо,
Бо трукнѣвнїмъ людамъ трўдно и не выпивати,
жебї на гѣлосъ и на весєлюєсть здобувати.
И прибўдетъ охѣти до всего: писєць сей самъ знаєтъ,
и жъ то таковїи обїчаи и собї маєтъ.
И дай, Бѣже, помїрно кождимъ заживати,
да не бўдутъ тебї и людамъ проступати.

(¹) Въ рукописи не достаетъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.

(²) Неумѣренно.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженіемъ, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣрученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трупковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И треба всімъ жилямъ добре ся надувати,
жебъ гортанъ могъ гладко и глосно спивати.
Треба жъ часомъ для силъ чимъ ся и послати,
меновати, хочъ не въ часъ, горілки ся напяти,
А за гріхъ той Бѣгу ся помолити,
жебъ онъ пивцѣвъ своїхъ (за нѣмощъ) рачилъ (*) простити,

Наконецъ, отложивъ всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вахлическую пѣсню, озаглавивъ ее сиче:

Вірши похвальніе любячимъ пиво пити, или тежъ за єднимъ заждомъ и всякъ трүнокъ, кому не шкодить, або не вадить.

Котривъ, мовать, чоловікъ добре випиваєть,
тѣди такому панъ Богъ на пиво даваєть.
Хочай-то и такъ правають, же пиво не диво,
єднакъ добре, гди зтрѣха горло промочило:
До людей вправнійше бѣдетъ глаголати,
и въ цѣркві на криласі глადшей заспивати.
Зачымъ, панове, собі здорови бувайте,
а где ли кольвекъ пива, — добре потягайте.
А въ голові, здоровий, все не перебрій,
да вшелікий напитокъ заровно випивай.
Бо въ жорна добрее що вкниъ, мовать, то змѣле.
похвали и ти мене за то, чѣстний хмеле!
И сѣржикъ хто любить, — хлѣбъ зъ него уживаєть;
и просіяниъ, овсяниъ — все то кормъ биваєть;

(*) Благоволилъ.

А хто єди́н що́ любить, то́го и держі́ся, —
 хочь шта́пй заста́въ, иди́ у корчму́, напи́ся.
 Ти́лько жь про́шу — п шта́новъ на-ві́къ не покида́й:
 сла́вная то оде́жа, — найско́рйшъ вику́пай.
 А на ме́не за сей віршь, про́шу, не диві́ть,
 да, якъ бу́дете пі́ти, то й мене́ вспомяни́ть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разные явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *лицуновъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отпраплялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохватами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ пзъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школярахъ, дрѣва крадущихъ и о школѣ.

Школа — церковный уголь. Такъ ся называ́еть,
 кгда́жъ церковныхъ набоже́нствъ дѣтѣ́й навча́еть,
 И що́ въ це́рквѣ пра́вятъ, то и въ шко́лѣ знаи́дуть,
 а безчи́ний въ ней жа́днихъ ни́гди не знаи́дуть.
 Бо мо́вятъ: *Школа́ вся́кимъ стра́ннимъ до́мъ е́сть во́льнй;*
 а́ле е́днѣ́жже пра́ве онъ не своѣво́льнй.
 И причѣ́тникамъ те́жъ шко́ларѣ ся и́менуютъ,
 поне́важъ це́рквѣ свято́й щі́ре услу́гуютъ.
 А що́ часо́мъ вкра́дутъ дрѣ́въ, же не ми́ють гдѣ́ взя́ть:
 ми́щанѣ́ и се́лянѣ́ не хотѣ́тъ купова́ть.
 А зна́ю, же бѣ́ тмѣ́ ді́ломъ лю́де не згрѣ́шилъ,
 пжѣ́ би ко́гда́ на я́кій возо́къ ся зложи́л.
 Годі́ю бѣ́ ся це́рковнымъ слуга́мъ то вчи́нйти,
 а́бо зъ дво́ра гото́вихъ і́мъ не зборони́ти.
 Мо́гло бѣ́ милости́нею и́ тѣ́ ся назва́ти,
 а і́мъ би ра́чнлъ за то́ Богъ пагоро́жати.

Приповість же въ школярѣвъ: *Не окравъ, а лё доставъ.*

А ты, Бѣже, за дрѣва грѣхѣ имъ не поставъ.

А по козѣцкѣй, хочъ вкравъ, то мѣвятъ, же добувъ.

Кѣждий, разумю, козѣкъ о томъ слѣви чувъ.

А вп, панѣве, за сей вѣршь не подивѣте,

и кто егѣ написавъ, п тогѣ простѣте.

Бо едѣнь бѣднѣй школяръ, прозванѣнемъ Трѣсця,

где живъ п где бѣдетъ жѣть, не мѣтъ емѣ щѣста.

А хочѣй онъ, въ свѣтѣ живучѣй, вельми ся страждѣетъ,

только жъ, бѣднѣй и вельми мѣзѣрнѣй, свою торбу въ скрѣ-
пю ховѣетъ.

Четыре послѣднѣе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнѣя, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, «школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный», то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ прѣютѣлся въ обществѣ мѣрскихъ «крылошанъ», гдѣ ему не возбранялось «для силы чѣмъ ся и послѣить». Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догѣдку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, наприимѣръ, разсужденѣе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенѣя котораго онъ возстаетъ съ энтузиазмомъ страдающаго человѣка; стихотворенѣе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотворенѣе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣднѣя стихотворенѣя отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентѣя свободой выраженѣий. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченѣе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотворенѣяхъ, написанныхъ имъ прѣжде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенѣя къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентѣя надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борись Годуновъ*. Въ разсужденѣи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчѣмствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдaшeмъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письменныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденные въ мірянахъ безчестивами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упустили случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктитори и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблагоприятнаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожь намеки на испорченность ея правовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чинящихъ пакости монастырямъ и церквамъ,

Кáменние, знать, сердца въ тихъ людѣй бивають,
 котріе монастырямъ пакость сотворяють.
 Люде на обителі святіе давають,
 а они готвое отъ нихъ отдаляють.
 Негбди таковіе ктитори похваля,
 але достбпни тие всякої неслави,
 Же то Християнамъ себе називають,
 да, власне басурмане, церкви разграбляють.
 Не хочемъ ми ктитореи такіхъ міти,
 лечь жебъ съ прислугами ихъ не блб на світі.

— —
 Але бвшемъ пакостить ужé перестáньте,
 а благотворить церквамъ в обителемъ станьте.
 А хочъ на монастырі ніщо не давайте,
 то принамній⁽¹⁾ готбвихъ речей не отнимайте...

О хулящихъ чинъ духовний.

И той человекъ вѣльми зле поступоваеть,
 котрій на чинъ дѹховний хулу напосаеть.

(¹) По крайней мѣрѣ.

А йншй зніе слова о духовнихъ говоритъ,
 и многіи чудеса неподбно творитъ⁽¹⁾.
 И абі не постигло зло тихъ чудотворцовъ,
 же хулять священниковъ, своїхъ боломблцовъ.
 Уже жъ хочъ отъ себѣ днѣ въ шайности ихъ мійте,
 и слўшатн ихъ словесъ и въ любвіи мїть хтійте...

О невілїасахъ⁽²⁾, укорїяющихъ тихъ людєй, котріе Писанїемъ Святїмъ викладають что полєзное на пользу ихъ, а они (неразсўднне іолови) злословяють и ненавідяють тихъ труждателєй, на добрие діла писанїемъ научающихъ и спасенїя їмъ желающихъ.

Знїйте и разумїйте таковїе люде,
 что вамъ за тїе рєчн въ послїднїй день бўде.
 Пршў васъ, наставниковъ своихъ не хулїте,
 але повнїўїтєсь и Б҃га (за нихъ) молїте...

О писанїи святѣмъ и о учащихъ єго.

— —
 И хто Писанїе Святѣе зневажаєть,
 такий вєльми Г҃споду Б҃гу согрїшаєть.
 Бо їншй мѣвить, же зъ письменнихъ все зло биваєть;
 нехїй за єго л҃ганїе на єго обрацаєть,
 И обратїтєся, же слїпъ держаєть вождѣвъ хулїти;
 бўдетъ бо певне єго Б҃гъ за тѣе судїти.
 Изнѣву жъ мѣвять: »Презъ письменнихъ западетєся свїтъ.«
 Щѣбъ той самъ запалєся! а тогѣ и по сей часъ нїтъ.

Замѣчательно, что вообще между письменными и неписьменными существовалъ тогда разладъ. Грамотїи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденїя, что мїръ погябнетъ черезъ письменныхъ. А вотъ стихи Кліментїя о неписьменныхъ.

Яко такожь трєзвому изъ пїянымъ обитать,
 тако и письменному изъ прѣстимъ пробувать;
 Бо въ прѣстого мужикѣ прѣстїй есть обїчай,
 а въ письменного особнїй, полїтїчний звїчай.
 Зачїмъ перестанте, простакї, псьмѣ блюзнїти,
 бїсте ся не могли въ прѣблєсть вїчну потопїти...

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мїрянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людеї духовнаго званїя.

(2) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожь, что этотъ *політичний зайчакъ* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣвъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтлми, въ которыя опасно было попасть чловѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и униатамъ, — для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣрученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со времянъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преусибіянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, по которое тогда подчинялся другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значить, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невпняное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развивалась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ клеветахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысаясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увелчить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письменнымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ, — изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что вышло. По вѣтомъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, исчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значить народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говорить, что *письменному* толковать съ *неписьменнымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И гдѣ бѣ не священникъ, и церкви бѣ не блго,
не блго бѣ законъ, а ле беззаконіе бѣ блго;
Бо законного браку не мочно бѣ составлять,
поневажъ бы не блго кому шлюбовъ даати;
Также христіанами не могли бѣ ся називать,
кдѣ бѣ раждаемыхъ дітѣй нікому блго крещать.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіанства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщали царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоавшіяся. Миѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уни, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынского монастыря, Гавриилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣждали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Певскаго полка — въ Заудавскій монастырскій дворъ, вломилась въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избивали палками, плетями и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстѣ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петръ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасякѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, «аде ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.»

Въ 1728 году войсковою канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Продионъ, послалъ 60 человекъ дьяковъ, пономарей, цваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ «кatedру» и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, отаманы сотни Иванпольской (или Ямпольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Чернцы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого пише и померли, и со всеми нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые чернцы, дочувшися, що,

якъ дяды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбывали, и мы похотили такожъ служить, напали ночью, вныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправившы въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овцы, свини со всеми нащадкомъ до монастыря своего отобрали. Того рады всепокорственно просымо, дабы черницы большъ насъ не мучылы. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ сель, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-копнюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьничковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста увезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣдѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Ѡ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлпнскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали «по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетями товстыми, гораздо, такъ що и кровь крузь сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.»

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году короцкой сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: «Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попомъ.» А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и жонами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выйти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьничкамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что дѣлали до великой руины іезуиты и униаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не наирасно отаманы Януольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацтво смертныиъ боеиъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и униатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козацество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посползлыми, и это была первая изъ его уступокъ, которая, какъ извѣстно, окончилась тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыря Печерского, до инокнииъ того монастыря въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владою нашою гетманьскою сурово напомнимаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козацество не хотячи, до того монастыря работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменѣ Киево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыря послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со веннѣ войскомъ не хотимъ отъ монастыривъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дасть Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напомнимаемъ, абысте вы вся, которые въ Подгорцахъ найдуетея, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если розказанью и листу нашему хто изъ васъ спротивится, таковой, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашего, горломъ караный будетъ.«

Забываясь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждого гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣико держали за руки приписныхъ къ своимъ земляиъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человекъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойловича-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, какъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни социальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіанскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпорацій, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не что иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ *gratis* дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себя пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно рассказываетъ Шафонскій (1), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было «тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.» Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, «пошли самовольно, безъ всякія вины, въ козаки», то онъ считалъ себя въ правѣ, въ качествѣ архіепископа, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: «За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанскаго и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умереть — *не похоронити*; буди имъ безъ обыклаго иѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ ирлялъ въ свой

(1) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 33: «... не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козацкія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы плутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневныя пища, списываніемъ для собственнаго и другякъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и пужду, охотно и прилежно учатся....» Далѣе, стр. 283: «(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаванія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распускаютъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ оконками, духовныя иѣщии поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаваніе получаютъ.... Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаванія, снабждаютъ ихъ одѣяніемъ.»

дворъ, съ ними пріобшася и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будетъ.» ⁽¹⁾ Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: «Что дѣлали до великой руины иезуиты и униаты съ православными, то послѣ руины усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.» Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стаятательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по усилію своего замысла, вторымъ Хмельникомъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно передали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходѣ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которыми онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О вписующихся въ козаки дурныхъ мужикахъ и вновь вписывающихся хотѣющихъ.

Тожесь, дурній мужіку, бѣрзе неуважній,
 же тѣлько безчѣстишь чинъ козацкій поважній.
 Засягзесь тогѣ чіну, алѣ погоржѣешь:
 не бѣвши въ вѣйску, южъ вѣступитъ гадѣешь.
 Ніхтѣ ты вписувати, нѣтъ, не приневоляя,
 алѣ самъ ся зъ доброй волѣ естѣсь вписалъ;
 А не хочъ съ козакамъ у вѣйско завітатъ,
 якъось не хотѣтъ предъ тимъ тѣглости отбуватъ.
 Прѣто берѣзовимъ піромъ вписувать ты трѣба,
 и худобу, гдѣ мѣешь, на ратушъ взять потреба,

(1) Этотъ драгоценный документъ сообщилъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копіальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библиотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копіальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Абі есп, яковб козацтво, памяталъ
 и другимъ мужикимъ такъ чинити заказилъ.
 Отб жъ, вдишь не втопился напрбдъ где у воду,
 прийми жъ козацкую, Хорбацъ, нагорбду,
 Бпсь не запбмилъ тобей рччи ажъ до смърти,
 побкуль ся обвѣсишь, чи тежъ сѣдитя вмѣрти.

Ненавистью и презрѣниемъ дышуть эти стихи. Католическiй и униатскiй попъ времяеъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ ббльшимъ ожесточениемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованiи многочисленнѣйшимъ классомъ народа иъ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые ниѣли притязанiе на какое-либо первенство. Виѣшнее дѣйствiе заразы устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенiя. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентiя.

*О волочащихся чернцахъ и черницяхъ, по мѣстахъ, по школахъ
 и по корчѣмнихъ дворахъ.*

Многне волоцюги зъ гультайства бвѣаютъ,
 особно черницъ и черницъ такожъ ся пробѣгаютъ.
 Не хотѣтъ въ монастырѣхъ послушанiя мѣти
 и, вѣдлугъ⁽¹⁾ своего спасенiя, терпѣти,
 Да повется ниий къ бису по своей вблi,
 шукѣючи, на згѣбель собi, своявблi.
 А своявблѣ добра, да не пожитѣчна,
 зъ котброй ся раждѣетъ згѣбель доконѣчна,
 А особливе тежъ черницѣ и черницю она погублѣетъ,
 а свѣтского также, вимъ, не направлѣетъ.

— —
 Да тудѣ жъ и чернець ниий вадрбвний шалѣетъ
 И людѣи до згоршѣня свѣцкихъ приповѣдѣетъ.

— —
 Такбму не побрѣба милостиню давѣти,
 алѣ всбда гбдию естъ кнѣип частовѣти.

Слово *кнѣип* написано прописными буквами. По видному, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентiя строгость идетъ объ руку съ поползновенiемъ ко грѣху, которшй онъ совѣтуетъ совершать какъ мож-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по слововицѣ: *семь бѣдъ, а одинъ отвѣтъ*.

Кто бо захочеть часомъ что-кобълекъ згрѣшити,
 должень иинно одъ людскіхъ очей хоронити;
 Бо мовять: «Хочъ відають, да нехай не видять», —
 и такъ грѣшникомъ люде не барзо обрідять.
 Публічний бо грѣхъ душі тяжчайший биваєть,
 и Богъ за публічний грѣхъ горшъ прѣве караєть.
 И что схочешъ сотворитъ велика и мала,
 утрись и заирись, жебъ сичъ и совѣ не знала.
 И співають зась: «Хмізомъ, нїзомъ пудъ вербамн»,
 жебї жадине люде нїгди не узнали.

Развратнїе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентіи въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волочающихся чернцахъ*.

И бѣдетъ иини чернець чрезъ весь вікъ ся волочитъ,
 а трафляется томъ въ школі-ся и скончїтъ,
 Абб де нагле луснетъ у корчѣмномъ домѣ;
 то ужѣ и не знѣтъ, що чинитї томѣ.
 Мбжесть нерозсѣднои тои шпнкѣрці напїти,
 а що горшъ — и комедїи якїхъ начинити (*).

— —
 Не хочеть у монастирѣ той жительствовати
 и старшому и братїи ся повинувати,
 Да, злий рабъ, яко гультай, завше волочптся,
 а въ монастирѣ нїгдѣ ему жить не хочется,
 Бїлеби по городѣхъ людамъ очи поробъ.
 Бодай тїлько егб катъ самѣго испорбъ!

— —
 Бо, напрѣдъ агнѣнїя, онъ монастирї осуждаєть,
 же мовить: «Жаднии менѣ пгумень не приймаєть.

(*) Скрѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Мўшу ся волочы́ти по тоёй невѣлі.»

А то лжетъ, бѣле бѣ ему́ нашали́ться дово́лі.

И зась брѣшеть, же мѡвить: »Нѣгдѣ мя не прѣймаю́тъ.«

Бывае́тъ то и пра́вда, же нецнѡ́ти⁽¹⁾ его́ знаю́тъ.

— —
Бо що отъ шибенщъ котрѣе втѣкаю́тъ,

и тѣе въ монастырѣхъ-часомъ ся свобождаю́тъ.

— —
Есть же то пра́вда, лѣтъ не еднѡй ма́тери дѣти:

ѣнѣи хочъ страпствуе́тъ, да ста́токъ бу́детъ мѣти.

Не по́идетъ таковы́и где въ корчмѣ почова́ти,

але́ до священника мо́жетъ ся впроха́ти,

Або́ хочъ и до прѣстихъ та́кже люде́и чѣстнихъ,

а не до корчѣмнѣхъ котрѣхъ домо́въ безчѣстнихъ.

— —
И азъ, пишущѣи се, тожъ нѣгдѣсь провандрова́лся,

любо́ въ далѣкіе краі, да зле не блува́лся,

И вѣять беззазѡрно ста́лъ въ монастырѣ поспѣша́тъ,

и въ немъ по да́вному, зъ ла́ски Бѡжей и ста́ршихъ, пре-
бува́тъ.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, что имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ нвымъ пополозновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваютъ *четверочисленная скорбь человеческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потому мучился немощью воздержанія отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ неприятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филиппикамъ противъ собакъ, которые надѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе чаще монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, або́ тежъ о собакахъ, и о людѣхъ, любящихъ ихъ и вѣлыми въ нихъ ся коха́ющихъ и въ тихъ бѣс-тіяхъ нечѣстнихъ ажъ ду́ши свои полага́ющихъ.

Хто въ псахъ коха́ется, самъ ему́ ся равнѣетъ⁽²⁾:

жа́денъ невозлюбѣвшѣи ихъ то́е приза́петъ.

(1) Проказы, дурныя дѣла.

(2) Это писано уже на листкѣ 148.

И не тільки таковій псові есть подобенъ,
 але Ляху той, або дѣмону надобенъ;
 Кудижъ дѣмони, въ постасі (¹) псовъ, къ святимъ хождаше,
 котріе ихъ любіли прѣжде, тихъ прельщаше
 Зію; стужающимъ імъ пакости творіху
 и вся помишленія злая напосаху.
 Тямъ вірнимъ не достобитъ тихъ бѣстій любіти,
 но добрѣ бѣ, гди бѣ мѣщно и зъ свѣта скореніти.
 А что нинѣ стражами псовъ себѣ називаетъ,
 лечь (²) не вистѣ бідний, пжѣ въ томъ вельмі ся омилаетъ,
 Почитаючи пса паче самогѣ Бѣга.
 Ахъ, не чиніте тогѣ! прошу васъ для Бѣга.
 Же и ласку Бѣжію той прочъ отгоняетъ,
 понѣважъ всякъ за злхъ псовъ егѣ проклиннаетъ.
 А такъ гріхъ есть въ бѣстїи збїтне (³) ся кохати
 и въ ней падію, бѣдто въ Бѣзі, полагаіти.
 — —
 Бѣдуть бо изъ Армѣни тіе часть шити, —
 не тільки опї самї, але іхъ и діти....

Слово 2-е о псахъ и о людѣхъ, не любящихъ псовъ и недержачихъ ихъ.

Благословенъ есть той домъ назавше отъ Бѣга
 и отъ людѣй биваетъ похваля премнога, —
 А йменно той, котрій въ себѣ псовъ не маєтъ;
 тогѣ безпрестанно самъ Богъ благословляетъ.
 А за что жъ, повїдъ ми, Богъ благословляетъ?
 за то, же всякъ человекъ егѣ похваляетъ.
 А где въ котромъ дому пси въ кого пробувають,
 тогѣ тамъ вшелякпе люде проклиннають:
 »Бодіи вамъ«, мовятъ, »зъ псами нігди не било добра,
 же не мѣщно промнїтѣ безъ палици двора!«
 Бо пси и потайніе часомъ въ кого бувають,
 и — щобъ дѣбли побрали ихъ — людѣй кусають,
 И нинѣ пакости на свѣті людямъ творятъ,
 понѣважъ въ розмѣнтныхъ речѣхъ нинѣхъ шкѣдятъ,
 Яко-то: зъ вѣза въ кого гдѣ-що виволокають,
 а въ огородахъ грядкї зъ сївбѣю потоптають.
 И для того бѣ псовъ всегда не трѣба держати,
 же бѣ благословенства Бѣжого не прогонати....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступающихъ зъ роскошей свѣтовїхъ людѣи богатихъ во убогое и нищетное житїе иноческое, жебѣ не скорбїли и не кая-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

*лися напоїтимъ, не признавсими зъ потребу свою имінія, сі-
ричь вещей: и яденія, и питія, и грошей наипаче; идижъ и во
иноцихъ безъ имінія трѣдно и вельми нѣдно, паче же прѣжде
богѣтство имѣцимъ.*

Здається, же пробудеть ні ївши, ні пивши
богѣтп, въ чернѣцькое житіє вступивши,
И здається, же будеть нічого не треба;
разсѣбрится напоїтимъ, ажъ всего потреба!
Бо гдижъ много таковѣхъ богѣтнхъ бивають,
же іний всю худѣбу въ монастирь давають.
Емѣ ся видить — будеть и тогда контентъ мѣть;
ажъ за дубѣвнхъ дверей не будеть и видить.
А хочѣи дѣвери бѣдуть и не дубѣвне, —
не бѣдуть растворенни тожъ и соснѣвне.
Пѣз рукъ бѣдний неборѣкъ будеть южъ глядѣти,
и не будеть тогѣ, щѣ прѣжде имѣлъ, мѣти.
Зачѣимъ богѣтнй напроѣдъ постерегѣйся
и, гди хочъ, въ чернѣчество здорѣвъ пострѣгѣйся.

О чернцѣхъ и охѣтящихъ въ чернѣчество.

Зѣ давннхъ часѣвъ свѣтовій людъ то повѣдають,
же нікого чернѣчая рѣза не спасають.
И въ чернцѣхъ, если тѣкже изхѣчетъ грѣшїти.
то дай, Бѣже, жебї душі не згубїти.
И бѣлая рѣза тѣкожъ не погубляють,
ежели хто добрия дѣла отправаляють
Тѣлько то на кождий грѣхъ покѣта бивають;
а не треба еї, хто не согрѣшають.
А що зась въ чернѣцкомъ ткнѣтѣя тежъ закѣну,
о котромъ не свѣдомо свѣцкомѣ всякомѣ;
Бо гдибъ відалъ, что емѣ въ чернцѣхъ будеть случѣть,
нїгди бѣ пудъ прїсагою не хотѣлъ пострѣгѣть,
И, навязѣвши бѣ на ся кѣмень, въ воѣду втопѣлъ,
нежели бѣ на вѣчную скорбѣ въ чернѣчество вступнлъ.
Бо правда то, же въ чернцѣхъ вѣчная невѣла,
а свѣцкимъ во всѣхъ рѣчѣхъ совершѣнна воѣла.
И свѣцкимъ здаѣтѣя тої чннъ за хлѣбъ пшенїчний,
а пострѣгннсь, познѣвши, далъ бы и за жїтннй,
А понѣважъ свѣцнй господаръ во всемъ доволѣнъ
въ своѣмъ добромъ, а чернѣць южъ нї въ чомъ не воленъ.
И чернѣчество не тѣлько мѣдїхъ въ чннъ свой ввѣднть,
алѣ часѣмъ мѣдїрнхъ и старїхъ въ тої завѣднть.
Прѣто, всї свѣтовїе люѣе, кѣйтѣсь на насъ (!):

(*) Т. е. гляди на наше положеніє, берегнться, чтобы не очутнться въ немъ.
Выраженіє народное. Въ пѣснѣ, соблазнѣнная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Оп хто у борѣ,
Чѣйте новнну;
А хто у селї,
Кѣйтѣсь на менї.

прошú якъ найпокрннй о томъ дїлі всіхъ васъ.

— —
Пійшець же о томъ чїну совершенъ дознавецъ
п надъ всіхъ въ немъ страдальцевъ біднїйшнй страдалецъ.

— —
Сміючп мовпть, же хочъ хто бувъ своявольникъ,
а якъ вступпть въ чернецтво, то будетъ невольникъ.
И зъ басурманскихъ неволь свободни бивають,
а зъ чернецтва до смертнй не освобожаютъ.
Тїлько жъ, гдп хочеть, нехай здравъ въ чинъ той вступаеть:
охочого не внять, — Богъ нехай помагаеть.
Я о томъ дїлі емú не перебиваю,
лечъ, видячи воздёржнсть егб, поражаю.
А невоздёржнпхъ могу отъ того впннїати
и, якъ мбчно, до того пхъ не допуцати....

*О малоюющихъ, яко повїдае: инокомъ не трбї жаднихъ мїти
стяжанїй.*

Бяло нбгдпсь чернцямъ нї щб не надбно,
а теперъ все потреба такожде подобно,
Бо и чернцєві также хочеться що мїти;
хочай то и не жона въ негб п не дїти,
Еднакъ и чернцú встїдно гблему ходїти,
тїлько, якъ нїтъ нїчбго, мусїть хочъ просїти;
Бо чернцбвъ гблпхъ зовуть оппїяками большъ,
абб и нецнотлївпмп, — то ещє и найгбршь.
Мовять, же не дармо той нїчбго не маеть;
а бїдному нїгде взятъ, — опъ тогб не знаеть;
Кгдпжъ въ монаспрїяхъ не вельмп чаето давають
одєжу; а запаснпе лїшней не мають.
Уббгпє чернцї хочъ бблшей п працюють,
тїлько жъ вббгпхъ п тамъ не бързо шауцють.
А маючпхъ, якъ п вмреть, лүчшей помпнають;
а нїщетнпхъ въ скбрпїй часъ и запомпнають.
П якъ свїцнмпъ не добрб на свїті голпшамъ,
такъ же то и чернцямъ сиротамъ, побїдашамъ.
П голпхъ и прпшєльцовъ чаетомъ не прпймають;
хочъ бп п ремєспкъ бувъ, прочъ впсплїають.
Итакъ, мїлпї Ббже, всїмъ уббгпмп не добрб,
а котрїї много всего мїеть, томú добрб.
П блаженъ п преблаженъ той въ тепєрешнпї вїкъ,
хто мїеть чєго-кбльвекъ довбльно человекъ.
(Бо и въ лєкцїяхъ пишуть: »Хто богатъ, той всїмъ братъ;
а хто нїчбго не маеть, тогб нїхтб не знаеть«)....

За ьтпмъ слбдуєть характеризующее монастырскую жизнь заглавіє:
О иноцїхъ (насъ южє) послїднїхъ (т. е. о монастырской черни), *терп-
пїащихъ безвиннп и повїннп премногїл зїло напастї и скбрби, и*

гоненія, и оклеветанія и ненависті, и всляческіе озлобленія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоящихъ выписки.

О безжѣнномъ житіи иноческаго.

Свободъ инокъ отъ женъ и дѣтей, повѣдаеть,
 ёднакъ пѣжда, же своѣй господині не маеть;
 А хочъ и всего также иппіи мѣжетъ мить,
 а въ той рѣчи едно то мѣситъ терпѣть.
 А що мѣвають: »Не жоні и не дѣтямъ збиратнъ;
 а ёслиби мѣвъ жонѣ, такожь би могъ зправлати.
 Але жонитнсь заковнъ той не повелѣваеть,
 тѣлько безъ помощниці самъ-ёдинъ пребѣваеть.
 Мнющіи жонѣ, той ся и въ скорбѣхъ утѣшаеть,
 а черницѣ бѣднаго Богъ тѣлько цехай утѣшаеть.

Слѣдующіе стихи дають понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто челоуѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько челоуѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царанать по сердцу другъ друга, и потому предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кѣжди инокъ возмѣжетъ тѣе ціле признати,
 же наедині не такъ скорбно пребѣвати;
 А где въ кѣліи соборъ великій пробуваеть,
 тамъ ненависть и вражда часто ся укрдаеть.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климента, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Бѣдетъ, вѣмъ, другою во всемъ осуждати,
 и ложно зліип діли тогѣ обношати,
 И завше въ ненависті бѣдетъ его мѣти,
 и отнюдъ неправедно тожь ненавидѣти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поплзновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его пропикнуты разженною мечтою о томъ, на что чело-вѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщи-нахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ ис-правленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ сла-бѣйшей половинѣ челоувѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзія, которою дышуть народныя наши пѣсни. Онъ представ-ляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутит-ельнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ мо-ралиста. Подобныя выходы не новы между его отпавшею отъ жизни бра-тією. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дармо, ся видить, женскъ полъ звиклъ письма учѣти:
моглá бѣ цѣрковъ ꙗ безъ нихъ письма обходити.
Бо токмо мужемъ далъ Богъ небезпотрѣбно,
а имъ—здаѣтца, ꙗкоби ꙗ непотрѣбно.
Женá письмѣнна мѹжемъ прѣстимъ погоржаѣтъ
и, якъ простака, цѣле тогò вшѣчаѣтъ.
Овшемъ бо прáве жѣнамъ письмò непрѣлично,
тѣлько оно менщѣзнамъ потрѣбно ꙗ слѣчно;
А жѣнамъ, якъ пáтого кòлеса, такъ трѣба,
а мужемъ всякимъ всюда на все то потрѣба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщины на свѣ-тѣ вдвое больше, нежели мужчины, —

Еднáкъ надъ жѣнамъ Богъ далъ мужемъ верхъ мѣти,
а имъ не далъ мѹжескихъ речѣй розумѣти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы бы-ли вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотво-рець характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную по-дозрительности и лукавства.

Подобáетъ таковѣй вчннѣти совѣтъ намъ,
же пѣдп не даѣти ꙗ въ чемъ вѣри жѣнамъ;
Жѣнамъ бо зáвше лáтво такъ клáтву сполнѣти,
якъ прáгнутому чáсомъ водѣ ся напѣти.
Прѣто, аще бѣ мóчно, звѣздъ зѣ нѣба брáла,
або тежъ прѣдъ собòю зѣмлю подала,

То уже да не бѣдетъ онимъ віра данна,
хоть би и прекрасная она была панна.

И аще би и мати, единакъ тая жъ жена,
и презъ матерь биваетъ скорбь и гріху вина.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема въ свѣті правди, тільки рідная мати.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Мати наша, мати!
Де жъ намъ тебе взяти?
Хибá тебе, мати,
Да намалювати....
Намалюю матірѣ
На божничку въ хаті.
На божничокъ гліну —
Матірѣ испоміну;
Назадъ обернуся —
Слѣзám залюся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *порáдницею*, или *порáдонькою вірною*. Только такой человекъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденія отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повіждь мні, чѣмъ жѣны многи есть неплодни,
любо то и отъ мужей своихъ не свободни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себя представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны...* Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живущия въ чистотѣ честныя вдовици
обращутся предъ Богомъ, якъ чистія дівичи,
И судилъ быхъ надъ дівичъ ихъ честнѣйшихъ паче,
звѣща здравихъ и юнихъ, то есть младѣйхъ найпаче.
Дѣви бо плѣтскихъ грѣховъ себѣ не познали,
а они и познавши, чистоту заховали.

И не дивно безъ того старимъ вдовамъ жити,
а младимъ, трудно, мовятъ, безъ того прожити.

Далѣ онъ размышляетъ о *прельщеніяхъ женскихъ и о мужескихъ пристрастіяхъ до женъ, злѣща до чуждыхъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо биваетъ до нихъ страстію побѣдѣнъ,
той не скоро впять будетъ отъ тоя свободѣнъ,
Бо изъ ума не будетъ то ему сходити,
аби прельстившися могъ въ тихъ грѣхахъ пожити.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

*О терпѣніи женскимъ, како въ зимѣ студеностей не боятся,
когда во время лютихъ морозовъ на рѣкахъ хлѣсти перуть.*

Подобно, пекельная горячность въ женскомъ тѣлѣ:
дѣзнанна о томъ правда въ людѣи самимъ дѣлѣ.
А котрѣе жъ, повѣждь мнѣ, люде тобо дознали?
Тѣе, котрѣе себи били жени поили.
А кромъ понятія нистъ ли мощно тобо дознали?
Не увистъ непонявшій. Даи, Боже, и не знати.
А котрѣи хочъ познаетъ, той зѣло согрѣшаеть;
великая бовимъ въ томъ дѣлѣ тайна биваетъ.
А что жъ то есть за тайна? не биваетъ ли явна?
Бо безженнихъ за то карають здѣвна.
А якіе жъ за тую речъ карности бивають?
Тѣе, же часомъ за то здорбвѣя умаляють.
О, понѣважъ такъ, и мнѣ треба жену поити,
жеби могъ невозбранно тоби тайни дознати.
И Боже теби свою жону поитъ помози,
и чада побожниа отъ неѣ вамъ умножи.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною горячностью* женщины Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хлопцемъ и бисъ въ ѣдномъ цеху ходитъ,
понѣважъ зъ тихъ трехъ персонъ все зѣбе походитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

*О женахъ въ корчѣмницахъ въ градѣхъ, а найпаче иде въ поляхъ
въ корчѣмнихъ гостинницахъ блѣдно живущихъ...*

Еще выше становится наш моралистъ, когда начинает предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастливъ той, хто жені злой ся не поддаваеътъ,
и що, якъ бѣстїи, по рѣбрахъ часто даваеътъ.

— — —
Бо лишъ, моваять, желїзо у водї варїти,
неже, псюю личїну, жену злу учїти.
Ужѣ человекъ бїдний такїи не изучитъ, —
Развї самъ дїяволъ, гдї зъ душею розлучитъ.

Все участїе, къ какому способенъ Климентїи, отдаеътъ онъ сторонѣ болѣе сильной, то естъ самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за претерпѣвіе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственные слова:

А теперъ, человекъ, мусїшь бїду терпїти
и до смѣрти зъ такою не будешъ добра мїти:
И самъ ты нехай Господь рачитъ свободїти,
а жену твою злїю зъ свїта скоренїти.
Ты же восходи тѣе отъ ней пострадати
за покѣту, — и будешъ въ небї царствовати.
Едкакъ женї своєи злой нї въ чемъ не хлїся,
и кждїи день кїемъ парить не лїнїся;
А такъ певне одъ Бѣга прїймешъ нагорбду,
и получишъ отъ мѣки вѣчной себї свободу.

Вотъ мораль, высуженная въ удаленїи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди сильны!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣтїя завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденїя, но это именно потому, что учителя, подобные Климентїю, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенїя родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаеътъ пѣсня, — Украинскїи народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изуверъ, Украинскїи народъ былъ бы низкїи материалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждїи народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящїи непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствїе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотворенїи: *О женѣхъ близнїята рождѣяущихъ, сїрїчѣ по двѣ дїтїи:*

Гдѣбъ котра́я въ годъ по двѣе рождала,
 тако́й била́ бѣ отъ всѣхнхъ козако́въ похва́ла,
 А хочъ бѣ по еднѣому, абѣ ко́ждо́го ро́ку,
 ижъ бѣ ся за́пасѣла на тебѣ зваро́ку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспалихъ людѣхъ, которые вѣлыми твѣрдо и много надъ міру и не чѣтко спятъ, кохачисл збитне въ сну великомъ*, казалось бы, «*виршописъ*» долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуеъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жопѣ той не встерегаетъ,
 котра́я жптлѣмъ своѣмъ ошукпваетъ,
 Гдѣжъ мѣжетъ ся таковѣхъ женъ много знаидоватъ,
 змежъ котѣрнхъ ннѣя ждетъ, абѣ мужъ легль спатъ,
 А самѣ о зломъ дѣлѣ въ той часъ промишлатъ,
 и мѣжеві своѣму вірѣ не схранѣетъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастырѣ чѣлости и тебѣ бѣ навчѣнно,
 яко бѣ ты чмѣ-ко́львекъ удо́вжъ процвѣчно;
 Бо хто въ монастырѣ ѣтреню засплатъ,
 той пудъ часъ и покѣранъ знемного биваетъ.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимся столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ риторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго ослабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи: *о женахъ мужнихъ и болшей въ домахъ своихъ безъ мужей пробувающихся*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, аже есть: *грьхъ, немощъ, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при нихъ посредствомъ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мижъ легль спать*; какъ онъ днемъ читаетъ въ крчечныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпнїемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекельную горѣчность*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *нізомъ, жмізомъ, попідъ вѣрбами*. Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утрїсь и запрїсь, жебѣ сичь и совѣ не знѣла!*» Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шапнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышашія безчувственною жестокостію и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідѣю,
бомъ на свѣтѣ всѣкнѣ рѣчи тѣкже знѣю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ прїобрѣлъ полное на то право:

Пѣвне, бѣдетъ крѣпко Богъ тогѣ карѣти,
же злой женѣ, якъ шкѣпи, не вмѣтъ (на уздѣ) держѣти.
Отѣжъ тобі, глупѣче, науку давѣю:
ѣбѣсь ребра крушїлѣ злой жонѣ, поражаю.

Далѣ онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели порѣду мою занехѣешь,
не миѣтѣся велика бѣдѣ, — самъ дознѣешь;
Бо на здоровѣе твоѣ жонѣ твоѣ вѣтѣтъ
и — чебѣ не знѣешь — смерть тобі готѣтъ:
Пѣти и їсти тобі потрѣви давѣтъ,
а часомъ и трутїзну тобі жѣ зготовлѣтъ.
А такъ, окаяннїче, самъ напрѣдъ не кѣшай, —
нехѣй жонѣ пѣтъ першѣ и їтъ, — мене слѣшай.
А гдѣ бѣ самѣ наперѣдъ скѣшати не мѣла,
то горшкѣмъ абѣ кѣемъ коснѣсь еѣ тѣла;
Абѣ цѣрною скрутї еѣ рѣки и нѣги,
жебѣ не перелїзла и черезъ два порѣги:

Абб, звязавши, посади кь гарічой пѣчи,
щобъ припекліся бнуй шатанскіе плѣчи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься челоуѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ времени Мазепы, — именно: *О иновірной єдиной персоні между мужемъ и женою, то есть (наприкладъ) кѣди биваєть часомъ мужъ Ляхъ, а жена благочестівая, абб жена неблагочестівая, а мужъ благочестівий, а хочай и оббє благочестівие, да не єднихъ людєй, сѣричъ: мужъ бѣдетъ Москаль, абб Литвинъ, абб Бойко, абб Цыганъ, или тежъ зъ Жїйда перѣхристь; или зась жонѧ таковїхъ людєй, а онъ правдївий Руснакъ, Козакъ, Українецъ породи Малороссійской.*

Изъ самого стихотворенія стоятъ привести только слѣдующее мѣсто:

Тбє жь есть, гди не єднихъ и людєй породи:
не мїють и такїи межъ соббю згбди;
Жє то власне поросѧ зъ вбвкомъ пробуваєть,
а жалости и скѣрби що-день прибавляєть.
Зачїмъ-то подобаєть людємъ христіянскимъ
не мїть прїчти кь дѣшамъ инорбднимъ и поганскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что вѣкоторые родители —

. . . безвременно замуужъ давають дівици:
въ єдинадєсїтихъ лїтєхъ отроковїци.
А въ дванадєсїти лїтъ синбѣв оженїють.

А то, вїмъ, въ Литви малїхъ женїать, злє справѣють,
що несмїслєннимъ дїтямъ свїтѣ тїлько завязѣють.
Въ шєстїнадцатїхъ лїтѣ слѣшно младєнца женїти,
а дївицю въ тринадцать, — їнакъ не чинїти.
И такїхъ єщє бѣ ввбдштѣ въ той чинѣ не подобало,
да на їнїи часѣ до лїтѣ слѣшнихъ откладало;
А слѣшность лїтѣ — въ двадцать рокъ оженїти сїна,
отъ котѣраго мѣжєть битѣ въ рокъ и двїтна;
А дочєрѣ прїстѣбно замуужъ въ 15 лїтѣ давати,
то мѣжна рєчѣ — до року и мѣтерью стѣти.

Мы представили характеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣлкомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственной ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясъ.

О женахъ, рождающихъ діти въ скоріи часъ по принятію шлюбномъ и по браці въ кѣлько дний минувшихъ, а не въ рокъ.

Козацкій звѣчай тѣе-то дівці мають,
що заразъ по весілю и діти рожають;
Бо на свѣті такъ мовять: »Козацкому роду
мало когдѣ, абб тежъ немашъ переводу.«
И добре чинять, же то зъ запасомъ приходять,
запаси бо жадною мірою не шкодять.
Где еще девять місяць на тѣе труждаѣти,
а тѣ лишъ въ скоріи часъ приплѣдокъ оглядѣти.
И хто-кѣльвекъ межъ людми тѣе похвалѣтъ,
котрїи где чоловікъ робѣту поспішаѣтъ.
Зачімъ здорови собѣ живіть и пробуваѣте,
и безъ ліности въ ночь и въ день въ томъ ся труждаѣте.

О дівцяхъ, діти рождающихъ.

Не треба таковихъ дівъ карністю карати,
що стараються въ вѣйско людѣи примножати;
Бо, яко здавна людѣи войскамъ було треба,
а теперъ, въ нашомъ віку, найпаче потреба;
Гдижъ немого вѣйско малу силу маѣтъ,
а великое внівечъ мѣншихъ обрацѣтъ.
Зачімъ би то слѣшна речъ тѣе похвалѣти;
атѣ невольню свогѣ доброго давѣти.
Онѣ бідниѣ вѣйску такъ щиро приноуть,
а другїи невинно за то зневажають.
Прѣто нехай каранни тїи то бивають,
котрїи дітѣи своїхъ дурно погубляють.
Еднѣкъ же онѣ держѣтъ звѣчай той козацкїи;
хочъ добре, хочъ не добре, все то по козацкїи.
А ви, дівкїи, за тѣе менѣ похвалѣте,
да кварту и другую горілки купіте;
Бо я сеѣ написавъ, вамъ то на похвалу,
а при васъ и козакамъ-дружїмъ чиню славу.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, расставаясь съ личностью Климентія, какова бы она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ въ Каневѣ попа-двоенца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попадяхъ, замужъ идучихъ по смертехъ поповъ своихъ.

И той рѣчи можемъ ми вѣльми задивити,
же невольню въ другій разъ попамъ ся женити.
Хто той законъ взаконилъ, ми не знаѣмъ,
тільки тому ся крѣпко, крѣпко удивляемъ.
За священника-вдовца отвігъ сотворити
можеть тотъ, кто законъ сей дерзнулъ положити.
Кгди попъ-вдовецъ въ грѣхъ блудний упадѣтся,
ажъ и законъ давшему концю не минѣтся.

— — —
Бодай би онъ пзъ своимъ закономъ и не сился,
же, неразумный, Христу Спасу спротивился!
Азъ, віршописъ, виділемъ двоженца прощѣнна
и до служебъ Божихъ ціле припущѣнна.
Въ Каневі отѣць Андрѣй, въ четверопрестобльнхъ
патріархъ бившій ⁽¹⁾, принѣслъ патѣнтъ верховннхъ
Зъ Іерусалима, зъ Александріи и Антиохіи
и Константинаграда письма неплохій;
И, вѣдлугъ письмъ, Ясинскій служить благословилъ
и жадною річню ні въ чемъ не спротивилъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* ⁽²⁾ *1712, мѣсяца юня, числа 21, на Ивана Предтечи, великая бързе бұра великая була, котобрая церкви Божие ламала и по дубровахъ великие сосни и б...* ⁽³⁾

⁽¹⁾ Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

⁽²⁾ До какой степени немощный человекъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие* — *векие*.

⁽³⁾ Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Ужé що ся въ сей книзі писало, то писало;
хочь троха и каюся, такъ ся тое стало.
А прѣдсяжъ и пользы въ ней немало набудешъ,
якъ ся собі добудешъ и читать будешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаряхъ рѣзнихъ, то есть именно, що кнѣжи готовие препісують, и видають зъ голови якѣе повне річи, и о писаряхъ тежъ градскихъ и монастирскихъ, грамоти, або зась листѣ пишущихъ и всякие крѣпкие правѣ.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несноснѣйшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И часомъ ся случаетъ писати такъ трудно,
же ажъ, не напившися горілка, то нудно....
И сей віршопісъ маєть къ писарямъ горлівость (*),
бо и самъ тимъ блъ, — знаеть тую долегливость (*).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, переѣзнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любить вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожь, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(*) Усердіе. — (*) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предрержанія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатиру на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовствѣ, що кумі брѣти кумові не благословляють, абó тежъ дочкѣ кумині. А иди хто пересóлить добре таллрѣми, абó чирвóними золотѣми архіерееві котрóму, то и грѣхъ прочь откладáють, и благословляють, и беззаконіе на закóнь пре-кладáють.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не тільки самóму куму взять зборопяють,
але еще и снóмъ тákже возбрапѣють.
А гди владѣнамъ бчп добре заслѣпѣють,
то обимá руками тихъ благословляють.
И нехѣй би владѣкч нѣчого не брѣли,
да даремно, безъ всякихъ дачъ благословляли.
Алѣ за грѣхъ собі великий почитáють,
а хто подсу́нетъ добре, и грѣхъ прочь откладáють.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть поадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человѣкъ самъ собóю власти не приймаеть:
тѣлько ему́ отъ Бóга по́слання бивáеть,
И хочъ часомъ панъ який на урядѣ промовáль (*),
еднáкъ найпáче самъ то Господь Богъ керовáль (**);
Бо всяка власть въ Бóжихъ рука́хъ жительствуеть,
ея́же кому́ хочеть, гóдному дарствуеть.

Въ стихотвореніи: *О веселости двóрской и о смуцѣннѣ*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если часомъ весель панъ, и слуги веселятся;
а ежели панъ смутенъ, и слуги смутѣтся.
Смутна жъ была вся тварь, гди Христа распято,
повѣважъ зъ свѣта всяку радость блó отни́то;

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Pamiętników*, на котораго Мазепа нагаль королю и отъ котораго получилъ въ королевской приемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (*Pamiętniki Jęła Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152 — 156.*)

(2) Вызывался, старался получить. — (3) Управлялъ, направлялъ.

А когдѣ такожде впять Христось изъ мѣртвихъ восталъ,
тогда новое міру веселіе даровалъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Климентій осмѣлювается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Що то, панове, у васъ есть такіи за звичай,
же то оскорбляете слугъ своїхъ надъ звичай.
А найпачей слугъ вірнихъ и южь заслуженнихъ,
и жадною мірою въ чемъ не подозревшихъ!
Кгди жъ мѣрскимъ клеветникомъ віру имѣете,
ажъ они лгутъ, яко пси, ви и не знаєте.
Наветъ кажить тымъ лгарімъ доводъ доводати,
а собі тогѣ часу всяко розсуждати;
А не міли би слѣшнихъ доводовъ давати,
то звольте кнѣми такіхъ частовати.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостыжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убогихъ людѣхъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо богачъ судимъ очнъ мздою забиваетъ,
и тобою до конца бнихъ осліпляетъ.
А убогий неборакъ хочъ трѣхи споткнѣтся,—
пѣвне побѣденному дармо не мнѣтся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдѣшніе были далеки отъ простоты въ жизни,— видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Шафаръ повиненъ писать всякіе росходи,
также якіе тежъ есть и прихѣди.
— —
И на сумнѣннѣ панства скѣрби вручаютъ,
нехай же и до панѣвъ шафарі щѣрость мають.
— —
Якъ то видимъ, такіи трафунѣи биваютъ:
якъ лічби не здають, своимъ докладаютъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ панѣвъ великихъ свіцкихъ и духовныхъ властѣи*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ дворскихъ слугъ.

Всякий пань, якъ вірного слугу вподобієть,
 то тѣдн великій скарбъ такому вручаєть,
 И розкажеть нинь пань, же до вбѣгихъ мѣнъ взглядъ
 и въ своємъ послушенствіи во всемъ добръ доглядъ:
 Жебї ма не о всемъ томъ въ свой часъ турбовано
 и жебъ мнї отъ двѣрскихъ слугъ не доношанно,
 Же по гѣднѣности въ свой часъ кому знаючн даѣ,
 а згѣла хто бунтовникъ гѣрднї, тому не даѣ.

Изъ этого видно, что дворекіе слуги во многомъ, если не во всемъ, завистли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большемъ ходу. При независимости личной, право сильного до такой степени развилось въ гетманство Мазеши, что пань называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше; и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О влѣстелехъ, каряючихъ людѣи, абѣ и слугъ своихъ домоваихъ безъ доводовъ слѣшинихъ*, въ которомъ однакожь ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кїями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частовати кїями* ябедниковъ. Въ стихотворенїи: *О оскудїнняхъ въ сїе время грошовїихъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнїя, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства — заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмаровати кїями* (1), 2) отбїрать *худѣбу*, 3) *мордовати* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣлкомъ.

Скѣдно вельми на грѣшн стѣло въ нашемъ вѣку,
 же трѣдно о нїхъ згѣла пендзю (2) человеку.
 Хочъ заробитъ, лихїми грѣшнїи заплачїють,
 а и лихїми ещѣ особъ укрѣвїють.
 А добрїе все собї богачї позбїрали:
 жебъ билѣ що на той свѣгъ братъ, въ зѣмлю поскривали.
 И лехїи же и въ зѣмлю грѣшнї сокривїють,
 абѣ хочъ ложкїи пхъ въ стравахъ поядїють,
 Тїлько жебъ глѣдкїи наветъ не браковали,
 и шафаровъ своихъ на то не научали.

(1) Слово *кїями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.

(2) Убогому.

Людямъ вбогнмъ чехі зн по чеху давають,
 а отъ нпхъ по осмаку въ кўпяхъ отбирають,
 Билеби якъ несїтства свой насптїтп
 п всї шкатуїлн презъ верхъ самїї напїлїтп.
 Уже жъ, єсли пїлїтпте, добре напїлїтпте,¹
 да припїлїтпїї нспїлїтпству браковїть зборонїїтп.
 Пехїї по-Запорїзкїїї бл не перебрїлїлн,
 да н гїлїкїлн грошїї не браковїлн.
 Єсли бїсте ви, вїлїстї, тїхъ браковъ зборонїлн,
 добре бїсте нарїду крїпко учнїїлн.
 А тї, на васъ гїлїлїчн, п самї бракують,
 да нїнавїстп п скорбъ межъ собою справўють.
 А спїсїсїбъ бл вамъ такїїї слўшнє блїлъ на тїє:
 гдї бїсте клїмп шмаровїлн за тїє,
 Абї тежъ на худїбалъ мужпкївъ карїлн,
 нїї робїтою въ двїрахъ свїлїхъ пїлнскїхъ мордовїлн.
 Пїлї тежъ самї бїсте престїлн браковїть,
 п по городїхъ лїдїмъ презъ пїсьма прїказїть;
 А нїлїчїє не мїцїю вамъ браковъ скорїшїтп,
 п самї не бїдете знать, що зъ тїмъ чпнїтп.

Это стихотворенїє гармонїруєть съ пзвїстнмъ представлїнїємъ
 Мазєпы о чехахъ, нарїчно вычєкїненнхъ для Україны.

Смерть богатаго п знїтїаго чєловїка ошпсана у Кїлїментїа ходячїнн,
 пзбїтнмн фразамн. Зїмїчено тїлько, что съ высокїмъ титуломъ *вла-*
стєлї соединяєтьсї непрїмїтно богатїя нажива:

Бо гдї вїлїстїє, то вспїмнїтп свїю висїкїїї титуїлъ
 п прїдъ конїлїнїємъ мнїго зъ скїрбїмъ ўзрїтп шкатуїлъ.

За пїлїамн въ тогдашнїє Українїє слїдовїлн, какъ вторїя стєпень
 подражатїлїнон арїстократїи, козакн, пзъ которнхъ каждїї, сдїлав-
 шїсь урядовнмъ чєловїкомъ, назывался уже пїанїмъ, нїлї, на Кїлїмен-
 тїєвїмъ языкѣ, вїлїстїємъ, п мїгъ, умїрає, узрїть передъ собою *мно-*
го зъ скїрбїмъ шкатуїлъ. Мїєра єго обїгїщенїя завїстїла не стїлько
 отъ важности занимаємаго нмъ мїєста, скїлько отъ єго жїднїстїи, отъ
 равнїдушїя къ подчинєннмъ п отъ умїєнїя угождатп болѣє силнвнмъ
 лїудямъ ⁽¹⁾. Мазєпа, выїгравшїї такъ мнїгїи во мїлнїї потїмства свїоннн
 бїдїствїлнн, былъ, во время своєго благодєнствїя, верховннмъ покровн-
 тїєлємъ п образцїмъ хпщнїчїстїа въ Українїє. Онъ обїгїщїлъ свїонхъ
 родствєннїковъ; онъ прїдїстїавлїлъ каждїму свїобїду обїгїщїтпсь по-По-

⁽¹⁾ См. прїлїожєнїя ко 2-му тому *Записокъ о Южнїи Русн*, стр. 318.

луботковски (1); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братіи. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не припималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ караѣ козаконъ за жестокое обращеніе съ безвѣльными поселянами (2). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ непоствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его волескочыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, неіоднихъ похвалій, меновите о тихъ змихъ и окаяннихъ синѣхъ и не-отѣцькихъ дѣтяхъ, котѣрие у войско идуть,

(1) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: «Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличныя обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣмъ чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только старшинъ, которые у нихъ называются генеральныя, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.»

(2) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникъ Украинскихъ пѣсень*, князя Цергелева:

Якъ я пзѣ гѣрода съ Ширѣтца, панѣве, виізжѣвъ,

....близькихъ сусѣдѣвъ хлѣба ѣ солн безневѣнно збавлявъ,
Діти маліи, вдѣви старіи стрѣмлявъ въ грѣди товѣвъ.

Въ вариантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря Архипа Никонѣнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тѣ ще ми, брате, не добре вчиняли—
По ѣлицяхъ добримъ кіньми гуляли,
Дітки малѣнькі кіньми розбивали,
Кровь християнську безневѣнно проливали....

См. еще вариантъ въ *Малор. и Червогор. народн. думѣхъ и Пѣсняхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людей, на путяхъ идіючиъ, або ідучиъ, обдирають, или щокільвекъ насильствомъ рабуючи, пакості сотворяють.

Вельми тіе козакі зле собі поступають,
 же, идучи у войско, людей где обдирають.
 Подобало бь їмъ тогда милостню дати,
 а не такъ на погібель имъ вічну сотворити.
 Запам'ятайте то, знати, въ таковїхъ злихъ дүши,
 же показують бісу вгднне анімүши (!).
 И нехай тое собі злие раби бдуть знати,
 же съ помстою своею Христосъ не бдеть (їхъ) мнати,
 И воскресі таковїхъ мбжеъ вкоренїти,
 и пам'ять їхъ со шумомъ на-віки погублїти.
 — —
 Побийють бо слези на вікъ отъ нихъ оскорблєннихъ
 и всїкихъ хочай мало отъ нихъ озлоблєннихъ,
 И у войска пошедши, ку домбмъ не возвратятъ,
 але бдуть ганєбно головами накладати....

Не все козаки пользовались правомъ сильного; не всехъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословию онъ очень благоволяетъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т.е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

...грїшїтъ Ббгу, хто даєтъ козакамъ зневагу.
 Прбстїй чоловікъ завше у дому пробуваєтъ,
 а козакъ, шедши въ войско, весь домъ свой оставляєтъ.
 — —
 Зачїмъ не тїлько ховаї, Ббже, пагану давати
 козакамъ, але треба їхъ, якъ святихъ, шанувати.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвпнтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Треба бь ганпть подобно такїхъ чоловіковъ,
 же кладутся пнїе въ поляхъ зъ давнїхъ віковъ,
 Кдї освященїмъ мїсцемъ церковнїмъ взгоржають,
 а на могилахъ себе властї повелївають.
 Хто бо подь церковню главу покладаєтъ,
 о томъ большъ церковь Ббга о покбїи благаєтъ.
 — —
 Бо мбвптъ: *зде лежацихъ*, а не: *на могили*,
 хочъ то и тихъ могїльнїхъ вспомнїаетъ по хвїлі,
 Когдї речєтъ: *и повсїду Христїанїхъ правослївнїхъ*,

(!) Характеръ, духъ.

та́же вспо́мни́аєть п̄ власте́и козако́въ сла́внихъ.
 Ино въ доро́зи лю́бь въ во́йску легті и въ по́лі,
 же це́ркви нема́шь; му́сїть то быти по невбо́лі;
 Ато́ зъ до́му нести́ся въ по́ле изво́ляєть,
 где вовкъ, абб тежъ и́ппїи звірь ся похожа́єть,
 А на свяще́нномъ мѣ́сту не хо́четъ покла́дати,
 лечь зъ добро́й во́лі хо́четъ отъ це́ркви отдала́ти.

— —
 Звича́ї коза́цїне въ тихъ рі́чахъ бува́ють:
 же въ по́ліхъ кла́дуться и мо́гили виспа́ють,
 Того́ ра́дн, же въ во́йскахъ бива́ли и въ по́лю,
 и зъ неприя́телями на поті́чкахъ въ бо́ю,
 Жебъ и по сме́ртѣхъ щі́рость іхъ не запо́мни́аєна,
 даби́ хвале́бно лю́дьми че́стними вспо́мни́аєна.
 А мужи́камъ не тре́ба въ коза́цку сла́ву втруча́ти
 да гди не пудъ це́рквами, то въ гу́мнахъ пудъ гу́рами по-
 кла́дати,
 Жеби жо́нки іхъ гробо́въ ча́сто навіжа́ли,
 а на мѣ́стахъ іхъ дру́гихъ мужи́ко́въ привожа́ли.
 Уже́ жъ, коза́ки, соби́ ви здо́рови бува́йте,
 а мужи́камъ прости́ть сла́ви коза́цко́ї на пота́лу не попу-
 ща́йте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покажется не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремесла, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

*О кухмістерахъ, абб тежъ о кухаряхъ, що готують на-
 намъ їсти мўдро, абб хочъ часомъ и не мўдро.*

Кухмі́стра, мовлять, пудъ поро́гомъ положи́ти,
 ежели би го́лодомъ мівъ себе́ умори́ти.

— —
 И труди́тися не тілько бь себе́ не змори́ль,
 лечь би не згри́шилъ, гди бь и шно́го поживи́ль
 (Ежели при доста́ткахъ мно́гихъ клопоті́тся,
 коло́ огню, якъ мўха въ укрупі́, верті́тся).
 Пань би за то вели́ка гни́ву не положи́ль,
 и Богъ би сме́ртельна гри́ха не постано́вилъ.
 Подлугъ Пи́сьма, труди́нкомъ прѣ́жде подоба́єть вку́сити,
 и пото́мъ до сто́ловъ па́нскихъ че́стно носи́ти.
 И понева́ж тежъ ку́хмі́стръ въ тру́дахъ своі́хъ клопотѣ́нь,
 тре́ба и е́му́ того́ жь вво́рвати, жебъ не билъ голоде́нь.
 Бо пудъ ча́сть на пу́мїскахъ не тілько не оста́петъ,
 алб бива́єть то, же ино́гда и не ста́нетъ....

О докторяхъ и о цілюрикахъ.

Вѣльмп и докторство есть потрібно на свѣті,
 же кождий би доктора хотілъ собі міти;
 А же о їхъ вужно, же мало їхъ биваєть,
 кромъ великъ сенаторъ где доктора тримаєть.
 И не тільки оскүдно о докторовъ мѣдрихъ,
 але и о прѣстихъ цілюриковъ немѣдрихъ.

Тільки жъ на ліченомъ не наїздиться коні:
 трафлілось тихъ лікарствъ заживати и мні....

О гафаряхъ (¹).

И гафарство — чѣстное ремесло на свѣті,
 и імъ бо далъ Богъ рѣчи мѣдріе уміти.
 И хочъ оні и цѣху у себѣ не маіють,
 а поважніе штѣки до церквей зрѣблюють,
 Яко-то: поясі, покрѣвці и воздѣшки,
 а панѣмъ кульбакн гафтѣють и подѣшки,
 И до сагайдачча оздобн придавають,
 и нїіе чѣстніе діла вироблюють....

О золотаряхъ.

Золотаря треба би ангеломъ равнати,
 же можеъ небесніи сосѣдн зрѣблюти;
 А то въ такій цель тоє не пнѣкъ ставѣєть,
 ижъ всѣкий щарозлѣтннн посудъ небо маєть;
 Напрікладъ, якъ-то: мїтрян плї патерїци:
 тамъ бо царскїи вїнци, сцѣптри въ Божой деснїци,
 И прѣчее можеъ все зась знавѣвати,
 котрбе звїкло zde въ насъ на землі бивати;
 Меновіте — вельможннхъ гетмановъ булавї,
 до котѣрихъ потреба хотѣщимъ головї.
 И ѣвнн войскѣвнє ділають кнєшнѣтн
 и прилїчннє вбннамъ рѣзннє примїѣтн.
 И поясі ділають срібрннє мѣдрн,
 и євѣнгельскн блѣхн рѣблють премѣдрн,
 А особъ капнтѣламъ ділають печѣтн,
 о котѣрихъ ажъ не знѣають, якъ рещї почѣтн.
 Такъже и властѣльскїи лїсвн (²) оздоблѣють,
 якъ імъ повелѣвають, тако потрафлѣють.
 И позлѣцѣвнн тежъ зъ срібрѣ рѣблють кѣбкн,
 и всѣкнн до столѣвъ пѣвнскнхъ втожъ посѣдкн.

(¹) Гафаръ — шмуклеръ, занимающїйся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кн-стей, спурковъ и т. п.

(²) Палицы.

II до блтарей святіхъ річи престбльни,
 и многіи потреби также церковни.
 II паннымъ перстени златіи изробляють,
 и каменны драгіми оніхъ украшають.
 Додавають же кштáлтовъ и на сагайдаки,
 и на сагайдачнне остра и кульбаки.
 II шаблі драгоцінно срібрѡмъ осажають,
 же ажъ зріщні на тихъ вельми ся удивляють.
 II гўзіки робять и окладають ножна,
 и всего неотмѡвни, все бо пмъ возможна.
 II справляють тако жъ премўдри ножі,
 котріхъ держать собі богáтні мужі.
 А що есть кадіянци и срібрні лхтарі,
 и лїмпи, — все то тѡе робять золотарі.
 II до образѡвъ вінці, рўчки и корѡни.
 Приймї до своей їхъ, Бѡже, оборѡни!
 II що-кѡльвекъ на землі світъ сей потребуєтъ,
 все то золотарь своїмъ рѡзумомъ готуєтъ....

*О довбшиахъ, що въ бўбни бўбнятъ и о тренбачахъ, що въ
 труби трублятъ и въ сўрми сўрмятъ.*

Дѡвбшиі войсковїи їгри отпраляють,
 также и тренбачі, гди въ трѡбни витрубляють.
 II потреба їмъ обѡмъ братъ за брата жити,
 же довбшишъ бўдетъ бубиить, а тренбачъ трубити,
 II їгри їхъ слухачѡвъ часѡмъ ввеселяють,
 а иногдѡ на жалѡсть велику возбуждають,
 Гди, слїшащи, мѡщно судъ Бѡжїи памятати
 и архангельскую тежъ трубу вспаматати.
 II до умилѡнія слїшащихъ привѡдить,
 понѡже чѡловіку и смерть въ памать вѡднѡтъ.
 А часѡмъ при банкетѡхъ вѡсело слухають,
 когдѡ мїрно на пирѡхъ птїи ужпвають.
 А особно засѡ довбшишъ въ раду впубняєтъ,
 и въ похѡдѡ войсковїи тѡе жъ сотворѡетъ.
 II по побѡдахъ также зъ бўбни, витрубляють,
 коли южъ вѡйска собіи триумфъ составляють.
 II предъ врати бўбнятъ, трублятъ панѡвъ вельможнихъ
 и въ Запорѡзкой Сїчи вѡйскъ славнихъ и побѡжнихъ.
 Бўбнятъ въ Сїчи у вѡчѡрь, вѡйску ва похваљу
 и рано, гди въ то врѡмя и Бѡгу твѡрять хваљу.
 Прѡто и войсковїимъ музїкамъ добръ прїѡемъ
 и, ѡко чѡстїихъ вѡйску слугъ, щїро похваляемъ.

О музїкахъ, менѡвите о цимбалїстахъ и скрипнїкахъ.

Весѡлое ремѡсло музїцтво, повїдають,
 же їграми своїми смўтнихъ пудвеселяють,
 А весѡлне паче весѡлыми бивають,
 когдѡ музїки въ скрипкѡ и въ цимбали играють.

П чéстно тáкже собі на світі пробувають,
 кдн жъ и самóму Бóгу похвалу́ отдавають,
 Понéважъ, якъ йнпе ремéсники цехъ мають,
 такъ и оні, спасéть ихъ Богъ, въ цеху́ zostавають,
 П вéдлугъ церковного уклáду поражають,
 и до церквѣи Божнїхъ свѣчи чáсто справляють.
 А гдн бъ хто мóвнвъ, же лéгкимъ хлѣбомъ забавляють,
 такїй нмъ хлѣбъ Господь далъ, — нехáй не подивляють,
 И хлѣба дарéмного нїгдѣ не уживають,
 тїлькó егó всякне презъ пра́цу заробляють.
 П прéто, хто ремеслá научáеть,
 таковїй меншъ прбстою роботою труждаеть.
 Ремеслó свѣто дїло на свѣті ся знайдуеть,
 котрїй зъ пїльною егó охóтою патруеть.
 П хто ремеслá своего́ зáвше чáсто пильнуеть,
 томú до егó пра́ці и самъ Богъ пособствуеть.
 Нехáй же безъ лїности и музїки играють
 и веселости молодїмъ лю́дямъ додавають.
 А найгравшпся, пехáй грóха и спочпвають,
 да по пóвной кляніці горїлки выпивають.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Клементїй, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или вольтыжниковъ; но, у Клементїа была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатїа. *О дударяхъ, що въ дуди ирають, онъ пишеть такъ:*

Мерзѣная то игра́ дудá zostаваеть,
 и шўнцу всїмъ грїшнымъ лю́дямъ прeзначаеть (*);
 Надимáють бо ся, йко гóрднй дмѣся,
 побукъ ревтї и густї зъ бїдою начнѣся.
 Повїдають, же та игра́ нечестїва,
 лeчь, гдн не отъ Бóга, то отню́дъ злочестїва.
 А гдї начнўть дударї дуди надимати,
 въ той часъ шпетне, же гўби стáнутъ отдимати.
 А пжъ не отъ Христїянъ прáве явилася на свѣтъ,
 не годїло бъ ся ей Христїяномъ пмїть.
 П не тїлькó дудъ, алé хочъ би и игра́ жáдннхъ,
 бо будать блўдную мнслъ въ чeловїцехъ жáдннхъ.
 Мóжно бъ и безъ игра́ въ слáву Бóга повеселїть,
 а всї дшeврѣдпне йгри искорейїть.
 Рáзвї воєнннхъ игра́, що звїкли въ вбїскахъ держать,
 котрїми въ вбїскахъ на брань и на трїумъ гласїть.
 За воєсковїе йгри грїхъ не положѣнно
 въ кнїгахъ, алé и по сей день не отречѣнно.
 Мóгутъ ихъ воєскá по день послѣднїй тримати
 и къ звичáйнимъ потребáмъ бннхъ уживати.

(*) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

II безгрішно єсть въ трѣнби и въ доміхъ трубѣти,
 звѣща въ великихъ властѣи, и въ котліи біти,
 II зъ огненнихъ оружіи часомъ випаляти,
 абѣ тежъ, простійше мѡвлячи, стріляти.
 II, на хвалу Христову, и днесь заживають,
 поневажъ въ Великъ-день на радость стріляють.
 Вспоминаючи триумфъ Христовъ, всегда що-рѡку,
 и, на умільность дѡшамъ, чинить то знарѡку,
 II на Богоявленскій прѣздникъ такожъ стріляють,
 очищеніе отъ грѣхъ мѣру извѣщають.
 А корчѣмше ѣгри похваліи не годни,
 бо тѣлько своявольнымъ людѣмъ оніи вѡгодни.
 А бѣрзій дудѣ, здавна подобно проклята,
 щобъ отъ благословѣннихъ она била огнята!
 Проклятому рѡду ю тримать подобаєтъ,
 котѡрній Христа Бѡга во віки не знаєтъ.
 II бодѣи загинула дудѣ на всі віки,
 жебъ большъ не видѣли ю вірне челоуіки!
 II научившимся людѣмъ въ неѣ играти
 трѣба за тѡе крѣпко отъ сѣрдца каяти;
 А еѣ до всіхъ дѣбловъ у воду втопѣти,
 абѣ огнѣмъ великимъ у гноѣю спалѣти....

Точно такъ возстаєтъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *нізомиъ*, *хмізомиъ*, *понідъ вѣрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

II тепѣрь танцовъ много на свѣті биваєтъ,
 кѡждий челоуікъ правду на тѡе прѣзнаєтъ,
 Яко-то: на ѣгрищахъ и на тихъ позбрахъ,
 и по корчѣмнихъ вездѣ своявольнихъ двѡрахъ;
 II на весілляхъ бѣрачнихъ также танци бивають,
 и многовертѣнимъ плясаннемъ Бѡгу згрѣшають.
 Мѡцно бѣ бѣраку законну обѣйти и безъ тѡго,
 именованно безъ плясання проклятого....

О сідлярахъ, абѣ тежъ о кульбѣчникахъ, що кульбѣки рѡбять.

Дѡбре то вѣгадаю кульбѣки рѡбити,
 жебъ, іздѣчи хто вѣрхи, на такъ ся моглі збіти.
 II чѣстине то річи кульбѣки, и вѣажне,
 бо іздѣять осѡбѣи високоповѣажне....

О шабельникѣхъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премѡдрне шаблі изрѡбляють* и что маляры изображають съ мечемъ святыхъ.

О сагайдачникахъ, що сагайдаки (або тежъ по-простіи мовлячи) лукі роблять козацкіе.

И сагайдачники, що лукі пзробляють,
та́кже, знаю, козака́мъ потрібни бивають,
Бо кгдаж до стрі́ль и луко́въ осбно потреба,
а татпв́у и самъ мбже́ть зді́латъ, якъ тре́ба.
А що самі́е, мовлю, бше-то лукі́
учбно́е маістеро́ве робля́ть ремесни́ккі,
Бо козаку́ и луку́ — привиле́н, або клеіно́тъ,
абб тежъ, ві́мъ, коза́цка оздо́ба и приміо́тъ....

О стрі́льни́кахъ, що стрі́ли коза́цкіе робля́ть и о коза́кахъ по-хвально́е.

И стрі́льни́ккі коза́камъ потрібни бивають,
поневажъ до во́єннихъ справъ стрі́ли зробо́ляють;
Бо и стрі́люю мо́жно та́кже порази́ти
и якъ о́гненною стрі́льбою умертви́ти.
И дивна́я рі́чь стрі́ли, гди ихъ ви́тагають
вгору́: и ви́соко та́к ні́чимъ не до́сягають.
Же ко́торий зна́йде́тся коза́к здо́ровихъ ру́къ,
то та́кий крі́вко мо́жно и до́бре тя́гнетъ лу́къ,
Же ажъ мбже́ть на версту́ во́здухъ за́чепи́ти
и хму́ри во́здушни́е стрі́люю про́бити.
И то по пра́вді́ то́му та́ко би́ти мб́жно,
кгда и блі́о на сві́ті то́е-то не мб́жно,
Ижъ ні́гдись стрі́ла, вгору́ коза́комъ пу́щенна
су́ха, а зъ висоті́ вь до́ль мб́ра во́звраще́нна.
Зна́ть то, же скро́зь до́ждє́вну хму́ру стрі́ла прои́шла,
ті́лько що щось о́блако́въ небє́снихъ не дои́шла.
Блі́о то на Сі́вері, вь пи́сця́ се́го ві́ку,
при лю́дєхъ мно́гихъ, а не при єди́номъ чело́віку.
И то́гда жъ хму́ри ча́стка на зе́млю пзна́ла,
вели́чествомъ, я́ко чело́ві́чая гла́ва,
Вь подо́бї́ лє́да, и тамъ же и пзта́йла,
и во́дою сві́тлою на зе́млі́ зоста́ла.
Прє́то диво́ватися и зась стрі́ла́мъ тре́ба,
же ма́ло само́го не до́сягають пє́ба.
А вв, коза́ккі, лу́къ, здо́рови, по́тяга́йте
и зъ о́гненнихъ ору́жїи́ смі́е впаля́йте....

О солі́трани́кахъ.

И солі́трани́цтво — якъ реме́ство подо́бно,
же солі́три на пб́рохъ вставі́чно надбо́но.

А вь солі́тру вели́кпй ко́штъ у́кладають,
гди господа́рі́ собі́ ма́йданъ за́кладають;

И великъ крѣпко заводъ трѣба на той розходъ,
покуль узрять солітру п въз неѣ приходъ....

О пороховникáхъ.

Такожъ людамъ потрібни п пороховникі,
яко тежъ п іinne всюда ремесникі.
Прохъ бо потрібенъ, гди звирей, птицъ стріляють,
п въ день Богоявленський, гди воду освящають.

— —
И пороховникү дай, Ббже, мить пожитокъ,
п, за працу его, въ домъ великпй прибѣтокъ....

*О роговникáхъ, що роги козакамъ робятъ носіти при боку,
для держання пороховою.*

И козакамъ потріба также майстеръ рбзний, —
розглядівшися, трохá не ремесникъ кождий,
А особливйше тежъ той-то п роговникъ,
яко п іиний майстеръ, абб зась ремесникъ;
Бо козакамъ трѣба всякого привілля,
тйлько не бáрзо трѣба шевського копйлля,
А роговъ на порохй завше потребують,
п въ шпхъ, пдучй въ вбйско, порохй готують.
И добрий въ козаковъ члнъ — зъ рогáми ходити
въ вбйску, бо въ рогáхъ порохъ не мбжетъ змочити,
Не замбкнетъ натрáвка п впять ладовнйца,
а безъ бйстра пистолетъ змбкнетъ п ручнйца.
И роговникъ же нехáй козакамъ ся прислугуетъ,
п отъ шпхъ похвалй п лáски заслугуетъ.

*О иконописцáхъ, сйрйчъ о малярáхъ п о чѣстномъ рукодйллй
бнмйхъ, п о богомáзцáхъ.*

Рбзние мўдрості самъ Богъ на свйтъ дасть
пѣрвого вйку, когда сей свйтъ п миръ создалъ;
Всякихъ бо рукодйлниъ презъ Духъ Святъ научйль,
п малярскую мўдрость тогда жъ людемъ открийль,
Жебъ на чемъ-кбльвекъ его тваръ изображали,
такжеде п всейхъ святйхъ тварп малювали.
И ещѣ икбнь творцй знайдують штихарй,
п другйе чѣстние жъ люде золотарй.
П котрий маляръ чйсто вйкъ своѣй провбждаетъ,
то чудбвна отъ него икона биваетъ;
А богомáзкие чудъ образкй не мають,
бо тйлько Ббгу своймъ ремесломъ наругають,
Кгди жáдною на иконахъ ихъ немáшь оздбн
п малярской тежъ якбн-кбльвекъ подббп;
Алѣ отнюдь вклепáлись въ тбе рукодйлля,
п великое тежъ зъ нихъ на свйті бездйлля,

И їмя нмъ богомѣзи, же малїрства не дойшли,
 же безпўтное діло самї собі знайшли.
 И не хѣчуть учїтисѣ цілого малїрства,
 жебѣ свой вїкчємїне покидали махлїрства.
 И до спїхъ богомѣзства часѣ не скорепїють,
 бо многїе глупакї въ науку ставѣють,
 И, научївшисѣ, начнѣуть по сѣлахъ носїти,
 тѣкже и по мїстахъ по двѣрахъ пси дражнїти....

О друкаряхъ, що кнїи друкѣють.

Пїшѣ вірши друкарїмъ, ремєснїкамъ славнїмъ,
 котѣрне друкѣють кнїги правослѣвнїмъ
 Людємъ; бо всїмъ діло нхъ свѣто єсть и чєстно,
 а бѣрзїй тїмъ, котрїе жїють благочєстно.
 Друкѣють же всѣкне церкѣвнє обрїдки
 и всї хрїстїянскє рѣзннє порѣдки.

— —
 Чїрство же сѣ знайдѣеть оїнхъ то ремєсло,
 алє ускрѣтно оїо вєльми и тѣжєстнѣ,
 А особлївє ногѣмъ, очамъ неспокоїно,
 и не обрїтѣєтсѣ въ робѣтї покоїно;
 Понєважъ бо, якъ начнѣуть потягѣти прѣспї,
 ажъ на главѣхъ їхъ вскорї мѣкнї стѣнуть влѣснї;
 Зачѣвши бо, мѣсѣтсѣ сѣ до пѣту трукѣдѣти,
 ажъ рѣзвї въ ноцї мѣгутъ нємѣло поспѣти;
 И въ вєлїкїй робѣтї прѣзднїкъ оставлїють,
 а тїмъ часѣмъ спѣсѣоби оїѣть прїготовлїють.
 И научїлѣ такъ Бѣгъ їхъ рїхлѣ друковѣти, —
 що за денъ, то не мѣшно за рокъ прєппѣтї....

О интродукторахъ.

Интродукторъ кнїги нѣвнї устрѣєть,
 а часѣмъ и старїхъ якъ лѣчить опрѣвлѣєть,
 И рабѣтѣєтъ въ церкѣвї діло пѣлєжнѣе
 и въ домї письмєннїхъ прїналєжнѣе.

О папїрнїкахъ, що папєри у папїрнїяхъ рѣбѣтѣ.

— —
 На всѣкнї бо рїчї папїровъ трєбѣють,
 на котѣрїхъ рѣзннє рїчї запїсѣють,
 Якъ-то: продѣжамъ, кѣпцїямъ пѣмѣтѣ покладѣють
 и на гѣнорї прѣва крїпкнє ствєржѣють,
 И кнїги тєжъ рѣзннє пїшутъ и друкѣють,
 котрїї многї лїта у спрїтахъ вїкѣють,
 И якѣнъ на папєрахъ многѣ витїскѣють,
 и въ церкѣвахъ и тєжъ въ домѣхъ кѣ стїнамъ прїлїплїють.

О виногради и о винограднихъ.

Если въ літі труді есть въ чемъ такъ безпрестанно,
 якъ коло винограду отиюдъ непрестанно,
 П правда, же безпречъ ся въ немъ трудъ полагаѣтъ,
 гди работающий въ немъ, нітъ, не спочиваѣтъ.

— —
 И тимъ вино́ дорого, бо, німъ до рукъ прійдетъ,
 а кошту въ десятеро за літо розійдетъ.

— —
 Тільки то охочні егб распложаютъ,
 а не великий зъ негб, вімъ, пожитокъ мають....

О винникахъ, или о винокурахъ, або тежъ о горільчаникахъ, що горілки робятъ у винницяхъ. (По-Венгерскій ся називаѣтъ винница — виноградний огородъ, або тежъ левада, а по-Рѣкскій будинокъ той винницею ся зовѣтъ, въ котрѣмъ курятъ горілку.)

И винники на світі достойни поваги;
 а не треба, крий Боже, даватъ імъ зневаги;
 Потрѣбний бо они, вімъ, трѣнокъ виробляють,
 котрѣго и монархи сильниѣ вживаютъ;
 А хочъ часомъ и на зло той трѣнокъ привождаетъ,
 єднакъ въ томъ винникъ вини жадноі не маѣтъ;
 Бо гдижъ вино невинно, виненъ злий обѣчай,
 же презъ міру хто пїѣтъ, а не такъ, якъ звѣчай....

О муровицкахъ, що церкви мурують, или полаци мурованние, або тежъ фортеці, замки и проч., а по-Московскій о каменцикахъ.

И тѣслі церкви робятъ, тільки не такъ славно
 діло ихъ древяное и не такъ тривало.
 А мури вічностю ся здавна називаютъ,
 котрихъ много и поднесъ везді заставають,
 Вѣдлугъ присловья: »Хто правѣ що муруѣ,
 то той тільки будинки крѣпкіе будѣ;
 А хто-кѣльвекъ древяни виставѣтъ кѣтцѣ,
 тѣе латво до гури вшендзѣ огнѣмъ лѣтцѣ»...

О пивоварахъ.

И броварниковъ, або пивоваровъ, треба.

— —
 И хочъ то мовятъ: »Не той пїво пѣтъ, хто варить«,
 єднакъ и онъ напѣѣтся, гди надъ тимъ часъ травитъ.
 Не перепѣѣтъ пивоваръ господарска пїва,
 и не жаденъ господаръ позрять за то скрїва.

Бо не тільки що п'ява м'усімь скоштовати,
але и медь ситачй, также спробовати....

О солодовникахъ.

И солодовника людъ многий потребуеть,
котрий солюдь на пиво пзъ збѣжа готуеть.

— —
И хочай тежъ и то есть великое дѣво,
же бблша часть въ горілку идеть збѣжа и въ пиво,
Зъ того пивоваровъ и винниковъ вимовляемъ
и на-віки отъ вини бишхъ визволяемъ.
Итъ ихъ вишъ въ борошенишхъ затратахъ,
абѣ зась мѣвлю — въ хлѣбнишхъ на свѣті утратахъ.

— —
И гдѣвъ на двѣ тихъ річи зтратъ хлѣбнишхъ не билѣ,
ні по чомъ би борошно и збѣжа всяко билѣ;
И игде би борошень людямъ и дѣвати,
и вищетние такъ не могли бѣ погибати;
И дровъ би во всѣхъ краяхъ пребывало много,
атѣ крѣпко оскудно инди дровъ для того.
Ужѣ жъ не щѣ мѣеть всякъ тивъ річамъ чинѣти,
не мѣжетъ ніхтѣ по-вѣкъ тогѣ скоренѣти,
Жеби пивовъ и медѣвъ не билѣ варенно,
йжби и горілки зъ свѣта скорененно....

О котлярѣхъ.

— —
Рѣбятъ бо казані, трѣби, корці и лѣйки,
притрѣбники, лѣнбикп, мідні и кварти, и кондійки,
А попрѣсту мѣвчичи: що вхѣтять, то врѣбятъ....

О юнтарѣхъ що кюнти рѣбятъ.

— —
вирѣбляють бо гѣнту — церкви побивати.
И на побѣтти домѣвъ панѣвъ тежъ вельможнишхъ
и до прѣствѣхъ будѣнковъ людеі промѣжнишхъ....

О цегельникахъ.

— —
Ихъ руководіне иногдѣ зарѣбѣтно,
хочъ то, правда, потяжко и по часті клопѣтно.
Еднѣкъ же мѣжетъ зъ свою потребу зарѣбѣти,
а зарѣбѣвши грѣшей, да хочъ и ожепѣти.
А имѣщине жѣнв, тѣе горшѣ пропивають,
а жѣни такѣхъ въ домѣхъ хлѣба зъ дѣтми не мають.
Правда, же и цегельникъ йнви есть осторѣжний,
смирѣнный, тихий, людзский и до Бѣга побѣжний....

*О вапєнникахъ, що вапно паллять съ крейди, а часомъ и зъ ка-
мїни.*

Еще єдногѣ вїдравъ ремєспнїкѣ,
що вапно рѣбнѣть, тогѣ вапєннїкѣ.

— —
Вапно бо трѣба на цєркѣвное мурѣваннѣ
я потѣмъ засѣ на потннкованнѣ....

*О садовнїчїхъ, що садї сáдлѣть и щєпѣють, для розвѣдовѣ оцѣ-
нїхъ дрєвъ.*

Хто хѣчетъ собї нѣвнї садъ расплѣжѣть,
тої садовнїчїхъ мѣсїгѣ потребѣвѣть,
Жєбѣ оцѣннїе дрєвѣ вѣ зѣмлю сажѣлѣ
и отъ тихъ же дрєвѣ до їнїхъ прїщєплѣлѣ,
П жєбї дрєво кѣждѣе отрєблѣлѣ
и вѣ веснѣнїї часѣ гноїмї оснїпѣлѣ,
А вѣ лїтї жєбѣ мїлѣ травѣ пудкѣшатї,
жєбѣ чїстѣ блѣю оцѣннї збїратї....

О гончарїхъ слово вїршовѣе похвѣльное.

Пѣрвїї на свѣтї гончарѣ ремѣспнїкѣ труждѣтель —
самъ Господѣ Богѣ, Адамѣ и Еввї создѣтель,
Кѣторїї далѣ людѣмъ всї хїтрѣстї умїтн
и всѣку премѣдрѣсть хотїщїмъ разумїтї.
Прѣто мѣщпо гончарѣство свѣтїмъ дїломъ назвѣть,
понѣважъ Богѣ Адамѣ звѣплѣ зѣ глїннї создѣть.
П гончарїмъ члѣвїка мѣщпо бѣ зѣ глїннї зрѣбїть,
тїлькѣ не возмѣжно зрѣбївшї, душї влїпїть.
Єднакѣ сосѣдї рѣбѣть напїткн влїпѣвѣть
и всѣкнє тежѣ горшкїї, що їстн гѣтовѣть,
Тѣкжє кафлѣвне пѣчн влїставѣють
и рѣзннє на кафлѣхъ оздѣбн мѣдрѣють.
А бѣрѣзїї, що покѣщѣванннн назнѣвѣють,
гдє фѣрбамн всѣкѣя красїї додавѣють,
Именнѣ же — мнѣогѣ шмїльцѣамн кладѣть цвѣтн
и вѣльмѣ премѣдрнє полагѣють кѣвтн.
Ажѣ бн бѣспрєчѣ хотїлѣ на тѣю днвїтнєсѣ
пїчѣ я грїтнєсѣ; до такѣї мїло прїтѣлїтнєсѣ....

*О ткачѣхъ и ѣ жѣнахъ нхъ и ѣ їннхъ жѣнахъ, ткѣтн имѣ да-
ющнхъ.*

Мѣжѣ їннхъ ремѣспнїковѣ и ткачѣ умїшѣвсѣ
и такѣ же, якѣ їннє, ремѣспнїкомѣ назвѣвсѣ.
Моглѣ бѣ Россїѣ наша и бѣзѣ ннхъ прожїтн:
ннбѣ вѣ Тѣрскнхъ стрѣнахъ матѣрнї рѣбїтн.

А въ насъ и жбни тбе ремесло отправають,
 и большъ таковѣхъ женъ есть, що ихъ и не требують;
 Бо, якъ зхотѣтъ, заразь мбгуть ся научити
 и не бѣдетъ основи южь до ткачѣи носѣти.
 А въ Литви всѣкпе жбни ткачовъ и не знають, —
 развѣ козацкпе ѣппе потворство мають,
 Же то ѣная бѣдетъ не прѣха и не ткаха,
 а въ таковѣи мбжетъ бити ткачѣви знаха.
 А що жъ бѣдутъ ткачѣ въ такоі собѣ брати,
 гди не бѣдетъ основи и потканнѣ давати?
 П ткацкпе тежь жбни не всѣ хотѣтъ прѣсти,
 абѣ бѣ готовпе шѣтки моглѣ въ берда класти,
 П часомъ отъ робѣти втку не маю зостанеть,
 а до того и прѣжи ещѣ въ кого достанеть,
 Ажъ полотно зъ тихъ рѣчѣи мбжетъ ѣзпорядѣти,
 да кошѣль и ѣппихъ справъ мбго мбчно пожити.
 П пѣсьмѣннѣи людъ ткачѣ — всѣкъ пѣхѣи разумѣтъ —
 же старѣи и молодѣи *Отче нашъ* въ нихъ умѣтъ;
 А ѣппѣи ремесникъ и молѣтви не знаеть,
 и пѣхѣи же не ганьбитъ ткачовъ — тое собѣ знаеть....

О бердникахъ.

Бердникъ не знаеть, кому онъ билъ би потребень,
 развѣ тѣлько тимъ ткачамъ и жонкамъ потребень,
 Бо не мбжетъ ткачъ и тежь жбнка безъ бердъ ткѣти,
 ѣдно мѣсятъ бердника собѣ потребовѣти.
 Зачѣмъ-то и бердниковъ не трѣба зневажѣтъ, —
 пѣхѣи зробляють берда, жеби бѣло чѣмъ ткѣти!

О кравцѣяхъ.

Кѣждѣи ремесникъ свою начѣи не мбжетъ забрѣтъ,
 а кравѣць и зъ начѣинымъ всѣмъ мбжетъ повандровѣтъ.
 Всякъ ремесникъ кромѣ вбзомъ бѣдетъ начѣи возѣти,
 а кравѣць мбжетъ все свое за надру вложѣти,
 А збктемъ⁽¹⁾ пдѣчи мбжетъ ся пудпратѣи
 и въ дорѣгу, где емѣ трѣба, поспѣшатѣи.
 А начѣине кравѣцево меновѣте такѣ:
 прась⁽²⁾, нѣжнѣи, напѣрстокъ, иглка, а не пѣбе....

О шевцѣяхъ и о чѣстномъ ихъ ремеслѣ.

Повѣажное ремесло и шѣвство зоставѣтъ,
 гдѣ жъ чѣстное братство и ктѣиторство зъ нихъ бивѣтъ.
 П *шевцѣ-святѣи*, такѣ ся то онѣи назпвають,
 и зъ своего титулу ажъ самѣи ся втѣшають.

(1) Родъ аршина, въ три четверти. — (2) Утюгъ.

И щірше онп есть щевці люде на світі,
 и жонп іхъ добрпе, п іхъ шевскне діти,
 Бо підп онп жадпхъ шалвірствъ не заживають,
 але п учневъ своїхъ людскости навчають,
 П особливе рбзпой тежъ своѣй політїкп
 п зъ книгп зраппці шевской чѣстной грамматики.
 И копїлля зъ правїллямъ, п вся верстатъ іхъ слава:
 знаю о томъ добре, п люде мовятъ здавна.
 А якъ сїдетъ робїтп на своѣй верстатї,
 почнѣтъ своѣ всякое пачїнне роскладати,
 Яко-то: копїла, правїла, дратнїці, стрепїці,
 лоппнкї, цвїяшкп, смольнїкї, паручкп п крапнїці,
 Такъ тежъ: стїрачі, молоткї, винптакї, тїпкп п клесачкп,
 обцалкї, смблп, воскъ, вїхтп, клѣїстра, писачкп,
 Затпрачкп, клпнці, гнїпп, дратвп, цпкнїсарї п щетїнп,
 шїла, чернїла, пожї, скобелькї, стругї, скїски, бѣлехп
 п смольшїнп,
 Вѣтошь, вїткп, завѣгї, кобїлпці, хлїпцп, хўтра п стрпхольці,
 рѣмїпъ, вїду до шпованнїя, лўбья, дѣготъ п патягачї, п
 ковці.
 А якъ пїдетъ до шкуръ, дубъ товчѣтъ, шкўрп переспїаѣтъ,
 а їнне шкўрп у зблп хўру закладѣтъ,
 П їнне тежъ на кобїлпці шерсть оббрїаѣтъ,
 а потїмъ, надївшп шўствагъ п хвартухъ, бѣлехомъ мез-
 дрў пудроблїаѣтъ,
 П, позаговавшп, въ Бїжпї часѣ укладѣтъ въ квась,
 п чекѣтъ, пбкўль бўдетъ переспїаѣтъ вїятъ часѣ,
 П на крїслі по царскпї (!) сїдїтъ, якъ на маестатї,
 п прѣспїтъ Бїга, жебї на рабїту рїно устїтп.
 А устївшп усїнегъ лучпїкъ, п желїзо причеплїаѣтъ,
 п лучїну зъ пеньковъ смблїннхъ зъ огнѣмъ роскладѣтъ,
 А розложївшп огнїю, зїраязъ перешпваѣтъ,
 пїтп, пбкўль ажъ ся емў подобѣтъ.
 Якъ перешпваючп втїмнїтєся, то шкўрп стрпхўѣтъ
 п на роспусканнїя на чїботп, кїлькї зъ котрїї паръ вїї-
 детъ, готўѣтъ.
 А потїмъ, покїнувшп все, пїдетъ бїтп збрїатъ
 бо потреба козїнп пзъ бїтою впчнїаѣтъ,
 П пїдетъ до гарбївкп у чївнї хптїтп,
 козїнп п барїпцп хочъ п габелькп окрашїтп.
 А нахптївшпєя ещѣ п їстп захїчетъ,
 п дастъ емў шевчїха, чогї псхїчетъ.
 А якъ прїдетъ емў часѣ п прость рѣмїпъ впправлїаѣтъ,
 стїпаѣтъ крїпко працюаѣтъ п, якъ повїсїмо, тої мїаѣтъ.
 П їзїаѣтъ у лугъ дўбу п пїпелп готовїтп,
 п мїсїтъ бїднїї добре на зпму працюаѣтп,

(!) Это слово зачеркнуто другими чернилами, п вмѣсто него написано сверху: *по-власгельскїй*.

А особній мусіть по материнку п по листокъ ходіти,
 же ажъ и въ свѣто ма́ло мѡжетъ когда зночіти.
 П сівши на роботі, то до полночи не бѣдетъ спати,
 а часомъ до са́мого свѣта бѣдетъ перешпвати,
 Абѡ иногда роботу бѣде старюю якую крѣпѣти,
 или тежъ инюю хорбшюю нѡвюю робѣти.
 А якъ схѡчетъ шевчѣху побѣти, ни що, чпмъ бити, не шукаеть:
 ёсли чѡботъ клеуеть, тоёю жѣ кле́сачкою поторкаеть.
 П не дай, Бѡже, на свѣті жонкамъ гѡршою мѣки,
 якъ попасти якому часомъ шевцу у рѣки,
 Бо шиломъ укѡлетъ п дрѣтвою звѣжетъ,
 нездорѡва зъ нимъ (хочъ не зхѡчетъ) спати не ляжетъ⁽¹⁾....

О кожемѣнкахъ, що ткѣри вичиняють.

Кожемѣци потреба зъ шевцемъ за брата жить,
 а хочъ би и гѡлову вкѣпи зъ нимъ положить;
 Кожемѣка бо шкѣри шевцу вичиняеть,
 а швецъ на чѡботи їхъ лю́дямъ поробляеть.
 П шевци ѣнпе уміють шкѣри чинѣти,
 а кожемѣки чѡботъ не вмѣють шѣти.
 П не вѣмъ, кому бѣ шкѣри чппѣти належно;
 подобно бѣ, самѣмъ шевцамъ слѣшне прпналежно.
 Абѡ тежъ кожемѣкамъ п чѡботи шѣти,
 да и шкѣри за єднимъ би цѣхомъ чпнѣти.
 А то ремесло єдно па́двое порѡали:
 неслѣшнѣи нѣякпсь лю́де чинѣ подали....

О бондарѣхъ.

— —
 Кгдаибъ не онѣ, ні въ чемъ би напѣтковъ хранѣти,
 ні въ чемъ былѡ бѣ жонкамъ и водѣ носѣти.
 А що обрѣзки шевці п кравці поквѣдають,
 а бѡндари обрѣзковъ своѣхъ не вквѣдають;
 Якъ-то: трѣскѣи, котрѣми мѡжемъ въ печѣ палѣти,
 тѣвже зась особлѣвѣ и їстѡ наварѣти.
 П не бѣдетъ дрѣмѣти, же то стѣки-грѣки,
 а къ томѣ напѣче, якъ потѣгне табѣки.
 П не кохѣется въ сну, же робѣтъ въ ночі
 абѡ трѡсть, альбѡ кругѣи, или стру́жетъ обручі....

(1) Послѣднѣе четыре стиха переделаны изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Онъ не дай, Бѡже, гѣршою мѣки,
 Якъ попадѣся шевцевѣи въ рѣки:
 Шиломъ укѡле, дрѣтвою звѣже,
 Постѣле шкѣру, та и спѣти ляже,

О тесляхъ, або тежъ о плотникахъ по-Московскій, а о дегилидахъ по-Литовскій.

— —
И чѣстное такъже ихъ и чѣрствое ремесло,
алѣ и працюито онѣ, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будінокъ якій будувати,
треба кождому противъ себе пудиймати,
И тудѣ и сюдѣ дѣрево обертати,
и ещѣ шлягюю и тѣбель забивати....

О звонникахъ и о комисаряхъ.

— —
Также и гарматные штѣки отливають,
котѣрными въ приступахъ стѣны добувають.

— —
Также не безпотреби, вимъ, и комисарі,
що робять до церквей сосуди и лихтары,
И кѣлюхи, и звѣзды, и всякне кресті,
въ котрихъ часомъ случаетъ попомъ и тайни вѣсти;
И робять дѣскосы, лѣжници и мпріици,
а для соблюданія агнцовъ и гробници;
Также и янполки до церквей выливають,
що на всенѣщнихъ вино и елѣй ставляють;
И робять фляшп, кѣблп, пулимьски и збані,
тарілкѣ, кварти, чѣши, чаркѣ и рострухані....

О ковалѣхъ.

— —
И найчастіи ковалі кождий трѣбовать будеть,
а якъ-кѣльвекъ безъ янипхъ ремѣсникѣвъ пробѣдетъ⁽¹⁾...

О свицаряхъ и о слюсаряхъ.

— —
Свицарі бо церкѣвиши дѣйсусъ отрізають,
а слюсарі рѣзние тежъ штѣки работаютъ.

— —
Рѣзние бо мѣдрості слюсарь показѣеть,
и свицарь безъ числѣ штѣкъ дѣвнихъ виставѣеть;
Прѣто слѣшне бѣ имъ двоимъ братами ся називати,
же то премѣдростей навѣклип заживати....

(1) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ котѣромъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мѣльникахъ або тежъ о мѣрочникахъ.

И мѣрочництва чѣстни ремесла бивають,
котримъ и безъ жпвѣ оніи хлѣбъ заробляють.

— —
Товкуть бо и мѣлють все и пзѣ рукъ здавають,
всѣмъ людемъ ремесломъ своимъ угождають.

*О самихъ господаряхъ, владѣющихъ млинами и держащихъ ихъ,
и о млинахъ.*

Хочъ то млинъ корчмю ся въ людѣи називаетъ,
еднакъ же онъ нѣ въ чемъ ся корчмѣ не равняетъ:
Млинъ — чѣстна хранина; не жиетъ въ немъ свавольность,
лечъ влходитъ зъ него людемъ хлѣба довольность.

А хочъ пзѣ корчмѣи пѣну биваетъ пожитокъ
и господарѣи корчмѣному ужитокъ,

А млинъ не едному пѣну догажаетъ,
гди на всю околѣчность хлѣба настатчааетъ.

Тѣлько жъ и млинъ — якъ кому въ щастю поведѣтса,
то той тѣлько зъ него хлѣба не отгребѣтса.

И хто и плугомъ пашетъ, мѣльнику ся равняетъ,
и кошту своего, якъ мѣльникъ, не страчатъ.

А мѣльнику много приборовъ въ млинъ потреба,
залѣдво якои рѣчи чего не потреба:

А треба каминни, желѣза безпрестанно,
сталѣ, деревнѣ, лбо, — мовлю то неганно,

А особливѣ часомъ людѣи — греблю гатѣтъ
и бондарѣи — сосуди въ млинъ на розміри робѣтъ.

А особниѣ — требуетъ ѣнии и мѣрного,
гди знайдеть человека доброго и вѣрного.

Зачѣмъ здало бъ ся шкурка за чиньбу не стане,
еднакъ хто що звикъ держатъ, то не перестане....

*О каменносѣчцахъ, що зъ горъ камяннихъ вибивають, або тежъ
виробляють млиновѣ до млиновъ на молоття каминни и
крести надгробниѣ, и деки и слупи до муровъ и до фортецъ
каменнихъ.*

— —
А камень потребнѣиши въ млинъ, — такъ треба судѣтъ;
бо безъ камня хлѣба не мочно сотворѣтъ....

О шаповалахъ и о коповалахъ.

— —
Коповакъ едно тѣлько діло исправляетъ,
же то конямъ и шкапамъ опрау давѣетъ;

А шаповакъ всѣкне всѣмъ вигоди творптъ,
кдигжъ рѣзние потреби людемъ зѣвше робѣтъ,

Якъ-то: мужикамъ плететь рукавицы,
 п лянцп впвалюеть, що носять молодіци,
 И ещє п опанчу мѳжетъ взробити,
 п кєцу (хочь) наибѳльшую мѳдро устроить;
 А єсли часомъ зхѳчетъ п зпочити грѳхи,
 то тогдѳ безпрестѳнно все вѳжеть панчѳхи.
 А впятъ якъ починеть вѳвну перебивѳти,
 то знать-то ужє хѳчетъ зъ лѳкомъ мандрѳвати;
 Бо зъ дѳвнихъ часѳвъ, якъ гдє шаповѳль мандрѳвалъ,
 не еднѳ на дорѳзѳ п дѳшу излякѳль,
 Же здѳлеку влѳсне Татарє манѳчатъ,
 а шаповѳль носѳтся зъ лѳкомъ, якъ за дрѳкомъ, — зблѳ-
 зу вбѳчатъ.
 А пришєдѳ до людєй, стѳнеть робѳти питѳть,
 жебѳ гдє-кѳльвекъ мѳль собѳ на робѳту стѳть.
 Якъ знѳйдеть дѳбрую робѳту вѳ дѳбромъ мѳстѳ,
 ажъ зѳразъ зарѳбитъ золѳтихъ сто абѳ двѳсті....

О рѳтайяхъ, абѳ тежъ о пѳшущихъ хлѳбъ людєхъ.

Надъ всѳ ремєслѳ потребнѳйшое подобно
 пѳхарство, же тѳе всемѳ свѳту вигѳдно,
 Бо хочъ бп хто срѳбрѳ п зѳлото могѳь робѳти,
 а не мѳючи хлѳба, зѳлта не вкусѳти....

О рѳбалкахъ и о рєзникахъ.

Рѳбалки зъ рєзниками прѳтѳвности мѳють:
 якъ постъ да мяснѳци, такъ онѳ пробуѳють.
 Рѳбалка для постнѳхъ днѳй рѳби уловлѳеть,
 а для мяснѳхъ днѳй рєзникъ о мѳсо старѳеть.

И годѳло бѳ ся лѳчшеѳ рѳбалѳкъ поважѳть,
 п вѳче ѳтъ рєзникѳвъ ѳпнѳхъ всѳхъ шанѳватъ,
 Кдѳи жѳ п самъ Богъ зъ рѳбалѳкъ Апѳстѳлп вчпнѳвъ
 п молѳтвеннѳками за всѳхъ насъ почпнѳвъ.

И рѳбалѳкъ п вѳ мяснѳй часѳ бѳльшь потребѳють,
 гдѳ жѳ наибѳльшие часѳп постнѳе знѳйдѳють.
 Рѳбу п вѳ постѳ мнѳгнѳ нарѳдѳ заживѳеть,
 ѳ вѳ постѳ хрѳстѳянскѳй лѳдѳ мѳса не живѳеть.
 Четвѳртая жѳ часть на всемъ рокѳ днѳй скорѳмнѳхъ,
 а три чѳстп знѳйдѳють тѳкже нескорѳмнѳхъ....

О гутникахъ и о склярѳхъ.

Достѳпни п гутнѳкѳ велѳкой похѳвали,
 гдѳ сосѳди чѳстнѳе рѳбѳть п крѳштѳлп,
 Тѳкже для младѳихъ людєй слѳчнѳе зерцѳлѳ,
 а состѳрѳвшпмѳя южъ людѳмъ окулѳрп,

А сосуди всякше скляніе п збані,
 зь котрихъ випивають п великіе пані.
 П видно напітокъ скрозь, якъ чегб, чп много,
 нліі тежъ чегб-кбльвекъ часомъ чп немного.
 А во ішихъ не відають, якъ-то въ черепінихъ,
 такъ тежъ особъ не відно п у деревінихъ,
 П не відно въ ціновихъ, желізнихъ п въ міднихъ,
 п не досмотрітиса особній п въ срібнихъ,
 П мослижъ прозріти скрозь, п злбта не мбжно,
 тілько презъ скляніе все відіти возмбжно.

— —
 Ужб жъ гутиніамъ списахъ велику похвалу,
 п оболбнникамъ хочъ малу створихъ хвалу,
 Світовідисе ўбо ділають залбни,
 якъ меновіте всякпі оболбнп.
 Інїе прбстїе ділають деревіне,
 а інїе мўдарне п оловіне....

О сїтникахъ п о рещтникахъ.

Мерзено здавало бъ ся то ремесло п брїдко:
 зь конскихъ огбновъ сїта робяць, — вспбмніть гїдко.

— —
 Рещета да пудсїтки зь лпкъ бивають истїаннп,
 а у Волбхъ рещета въ ременахъ пробїяни....

О копающихъ колодязі глубокіе, а по-лядзкий студні или по-славєнскій студенці.

— —
 П есть смілихъ, же бъ до дна адска прокопани,
 іще бъ жрбдла водне імъ не прешкажали.
 Моглі бъ живи въ тіліхъ пєкла досмотріти,
 п, узрївши тамъ зле, снаднїи каялись би на світї.
 А особно п тбє ещє уважаю,
 же могли бъ п сабого дохбднн раю,
 Если бъ не за србкгмп, повїдаеть, горамн
 п за пўцамн зь гадн, п за морскїми водамн.

— —
 П признають, гднбъ прїве хто до раю п дошблзъ,
 то разві ся бъ насмотрїлзъ звнї, а внутрзъ би не ввошблзъ,
 Гднжъ окблб оружнемъ пламеннимъ обварованно
 п пламенемъ огненнимъ вкругъ оцїрклеванно....

О оліїникахъ.

— —
 П зь работїстю роббта імъ прихбднть,
 пбкуль готбвий олії нзъ гнїздї вхбднть;
 Першей бо сїма въ стўпахъ толкўть п просївають,
 потбмъ въ тєплой водї мїсять п зхвалєвають,

То ж на сковрадахъ смажати и въ гніздо вкладають,
 а послі таравамп кління забивають,
 И зачымъ витиснется яка макуха,
 а імъ отъ таравовъ ажъ запіраюцца дұха.
 П покуль фўри вїйдуть, крішко навлопотїтса,
 покуль тежъ зовсімъ-провсімъ добре увольнїтса....

О воскобойникахъ.

А воскобойникъ вїрпїть воскъ и закладаєть
 въ гніздб, и колодами клінне забиваєть.
 Изъ гнізда въ судїну на сподъ воскъ встїкаєть,
 и на захолоду тежъ въ сосуди выпваєть....

О калачникахъ.

Многo естъ вельмъ всякихъ вїмисловъ на свїтї:
 калачники не ремесникы, а змїслили цехъ мїтї.
 Ремеслї їхъ мощно ся навчїть за годїну,
 не старїхъ тїлькo, алє навчївъ би дитїну.
 И самї ремеслъ своїхъ рїдко работають,
 алє все своихъ бабъ робїти заставляють,
 Якъ-то: мукў сїяти, и мїсїти тїсто,
 и пектї, и вїбрати, и продаватї нестї въ мїсто.

— —
 Кдї жъ ремеслб ихъ жадной трїднoсти не маєть:
 поплєтши сюдї-тудї тїсто, въ пїчъ сажаєть,
 Прєто и самї дармо въ цехъ тої упелїся,
 власне якъ старєцькї цехї повелїся.
 Еднїкъ въ старцовъ наўка естъ — язїкї ся вчїти
 и якъ би мїлостини, абб хлїба просїти.
 Тїлькo жъ не трєба бїрзо и тихъ цеховъ зневажїть,
 ежели бїдуть до церквї свїчи поставлїть,
 Абб къ прїзднїкамъ котрїмъ канўни справлїти
 и на церквї зъ дохдовъ тихъ ся укладїти....

О токаряхъ.

— —
 — —ложкї впточїють,
 котрїм и панбве часомъ ужпвають;
 Такъ тежъ оздобнїе точать и тарїккы,
 зъ котбрїхъ дїятъ и пьють, зварївши горїлкы;
 А особно зроблїють велїкї ящї,
 що зпрїтують въ дорбгу печєнне ящї;
 И въ церквї точать слупї, а малюють маларї,
 и точать до церквї балїси и лїхтарї;
 И точать на жєртовникъ хорбшне кўбки,
 що священникъ ховаєть, потрєблши дарї, гўбки;
 И до уббїтхъ церквї на престолъ гробнїца,
 и до монастїрскїхъ трапєзъ точать сольнїца;

П тїе виточують тертки, що передь тругь,
 и тїе макогонн, що кухарки макъ мнуть;
 П тїе брязкальця, що дїтїи забавляють,
 и веретена, що жонки вїтки впрядяють;
 П посоховъ властельскихъ много впточаютъ,
 и тїе качалки, що жонки хустн качаютъ;
 П овчарские точатъ зъ дѣрева сопілки,
 и козацкие, що зъ лукѡвъ, витягають стрїлки....

О пастухахъ, скоти и бидла (и свинїя) пасущихъ, паче же о овчаряхъ.

— —
 Алє еще на свїдъ себї овци пудкрадаеть,
 а господарямъ речеть, яко волкъ зьядаеть;
 А особливє млебо пзъ овецъ здохеть
 и господарямъ овчпмъ пакостї створяеть.
 А љнихъ овецъ жезлѡмъ нещадно ударяеть,
 же ажъ умерщвлїтися ѡпнмъ втожъ сотворяеть,
 И много творятъ фїглі п незпчлївостї....

— —
 а той п вгоняеть зъ гнївомъ пзъ ограда.
 П заблужденной овци не тщательнѡ љщеть,
 и зъ нерадївїемъ љщущи, въ сопілку свїщеть....

О кушнерахъ.

Кѡжи бо овчїе онъ въ квасу виробляеть,
 — —
 и на зїмнєе часп кожухи зрѡбляеть,
 И требующимъ людѡмъ въ градїхъ продаваеть,
 а котрїе приносятъ старїхъ, поправляеть....

Стихотворенїе: *О гребенникахъ, що гребенці зъ роїавъ (скотскихъ, абѡ тежъ бидлячихъ) робятъ до чесаннїя голѡвъ, состоятъ изъ самаго безцвѣтнаго пустословія.*

О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що соли господарские вярятъ.

Торяники велику працу подпїмають,
 паче коломпнцовъ, що гуски виробляють.
 Сѡтце бо відерь вкїнетъ на бѡчку соли водї,
 и, дрѡва въ пїчъ вергая, патерпїтся бїдї.
 А безпрестанно треба п не доспїлїтп
 и, жебъ не прогорїла (скѡро) сковрада, пльноватп.
 Потѡмъ въ садовїицу соль зъ сковради вкїдїаеть
 и на дрўгийн садъ воду, пошѡдшп, наклїдаеть.

И потреба изь саблю бочку втрусіти
 и всего, що ведеться тамъ, пильно досмотріти.
 И зь подлимъ здоровьемъ нічого тамъ пудимати:
 хочъ мало знемощнєть, мусіть варити престати,
 Или тежъ товарища прѣсвятъ допильновати,
 а самъ, пришедши къ собі, мусіть такъже отвдичати.
 А особно и тѣ бурлакамъ вельми нудно,
 же о солодкую воду непомалу трудно.
 Мусіть тобѣ же саби господарской частку отложити,
 жѣбн, вмѣсто водѣ, браги ся испити.
 А впитъ же — не машъ тамъ женъ въ Багмѣти, нікому кошѣль
 прати;
 мусіть, ваявши новѣю, носати, покуль зодрати.

Тутъ же и то мовлю, же соль есть рѣзна на свѣти.

Якъ-то: Запорѣзкая есть, Крѣмка и ледянка,
 а не бѣдетъ зь такю (вимъ) працею (п коштомъ), якъ
 Торѣнка.

Зачимъ бурлакамъ (Тѣрскимъ вѣрши сіе покладѣю
 и працу ихъ и пильни дозоръ похваляю....

О будникахъ, що потамъ робять.

Да и тѣ будники въ нашой землѣ бувають,
 що потамъ Туркамъ сѣкна фарбовати виробляють.

И сихъ часъ есть будищъ много, где буди бували:
 давние люде бѣ тѣе и нинѣ прпзнали.

И прислухайся кождий, що старій мовитъ на глумъ,
 а молодій цехай береть добре собі на умъ⁽¹⁾....

О старцахъ.

Старѣцки во вѣкѣ не наблишишь сѣкп.
 бо то дѣравне въ нихъ наидѣются тлѣмки.

Есть и такихъ много на свѣти знаидѣеть
 лѣжниковъ, котріе, въ миру хѣдячи, плутѣють.
 Бѣдетъ ѣиний здоровимъ, да не хѣчетъ робити, —
 потреба бѣ такого сѣмъ разъ на день кѣемъ бити.

И добре мовать: »Въ старці пѣгою не впаати,
 а съ старцѣвъ — хочъ калачѣмъ сталъ би пудманѣти«....

О линникахъ⁽²⁾.

Кодѣли бо мѣдрне людемъ изробляють
 и трѣбующимъ онихъ зѣбелъ надавають,

⁽¹⁾ Ср. *Зап. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.

⁽²⁾ Веревочникахъ.

Пменно жь до кладязей надобни глубокыхъ
 и до капуровъ теслимъ до первей високыхъ,
 Также и до неводовъ озёрныхъ тягёння,
 когда где биваетъ южь рибное ловёння,
 И до многыхъ ричней зась кодолъ потребують,
 также и до будинковъ панскихъ, ган будують.
 Кодолами дёрево на гору встгають,
 а ивди и порожі чрезь ріки тягають.

— —
 Также и нартники, шлєі и ужїща,
 котрїми припинають у полїхъ конїща.
 Также обротї, вожки и пуги зробляють,
 що коней идучи где-кольвекъ затинають,
 И до дзедаровъ робять втожь шиўри на ваги....

О рудникахъ, що зь рудї желїза робять въ рудняхъ.

— —
 Бо хочь водою млати въ рудняхъ ударяють,
 ёднакъ безъ великої праці не бивають;
 Гдїжъ при болотахъ трєба и зємлю копати
 да рудї зь великою пїльностью пскати,
 А знайшедши где руду, особно копати
 и, въ кошницї беручї, въ водї полюскати;
 Потомъ на уголя дровъ въ дуброву рубати
 и вишей хлѡпа въ костёръ довгий тасовати;
 Напотомъ дернь рїзати костёръ той вкривати
 и смотрїть, жебъ поломья не могло псовати....

О римаряхъ.

— —
 Шкурї бо возовїе и лїйци зробляють,
 и хомутї, и ўзди, що коней нудяють,
 Такъ тежъ шбри и шлеї, и бичї на волї,
 и для людєй убѡгнхъ зь ремєню жь постолї.
 И рѡзани до коней панскихъ и кантарї.

— —
 И попруги до кульбакъ оїї жь зась зробляють,
 котрїми кульбаками коней люде сїдлають;
 И пуга ремїнне робять, и тринѡги,
 що злимъ проклїтнмъ конямъ тринѡжати часомъ ноги;
 И нагаїки, абѡ тежъ канчукї сплїтають,
 котрїми людзкости жошъ часомъ прицвїчають.
 А ежели удасться часомъ злїя прочваря,
 не наўчатъ такѡи и толстая барбара....

О косаряхъ, що сїно косятъ.

— —
 И, хочь би не радъ, мўсїтъ косарѡвъ затягати,
 по пять чєховъ и по три шагї на дець давати.

А косарі-сподарі идуть къ нему съ косити
и косять трави весь день и въ порану зъ росами....

О требцахъ сіннихъ.

И жєнщина мѡжетъ такъже сіно згромажать,
алє не мѡжетъ такъ, якъ музчїзна, ухажать,
Бо звичайно то діло музчїзнамъ робїти,
гребті сіно и копїць сїпнихъ волочїти,
Абб тежъ у копїці и у стїрти клєсти,
а жонкамъ рєзвї тїлько у гребенї прїсти.

Нехай жѡни у домєхъ діла росправўють:
прядуть, твуть и їсти вамъ, мужнїкамъ, готўють....

О женцахъ.

Тїлько, хочъ бїла бѣ їмъ часомъ третїна,
алє хїлячись заболїтъ и спїна....

*О мїльнїкахъ, що мїла роблять, бєрские добрие и прѡстие
пѡдне.*

Не зная, по мїльнїкахъ хто бѣ ся чи зафразоваль,
хочъ бї и не єдїнь ся на свїтї не обрїталъ;
Бо рїдко хто на свїтї мїломъ ся вимнїваєтъ,
алє бѡльшеї водбю тварь собї омпвєєтъ....

О колєснїкахъ.

И колєснїкъ ремєснїкъ твѡрїтъ тожъ чудєса,
зроблєєтъ бо до возѡвъ и пєнскихъ колєса,
А їменно їко-то: панѡмъ на рїдвєни,
въ котрїхъ и вєльмѡжнїє їздятъ гетмєни;
И до карєць колїсь трєба и на лектїни,
въ котрїхъ славєтнїє тежъ їздятъ полїтїки.
Къ палубамъ и къ колїсамъ и къ возамъ глєбчєстїмъ
такъже колїсь потрєба, и къ тїмъ драбнїчєстїмъ....

О стаднїкахъ кѡнскихъ.

И стаднїкї тожъ лўдямъ вєльми вїгожєють,
же стадъ кѡнєспїхъ у полїхъ у дозбрахъ мєють,
И у полїхъ при кѡнєхъ зєвше и ночўють....

О догтарєхъ и столярєхъ.

Трєба правда, гдє зъ негѡ⁽¹⁾ сажу цєлїтъ при друкєрнїяхъ,
на чернїла кнїжнїє, — по-московскїи при печєтєвнїяхъ....

(1) Изъ смолѡвого, соснового дєгтя.

О неводничихъ, що вѣжуть неводи и сіті, и ѣше пѣсудки до ловлѣння риби.

— —
А хочъ же и самъ ѣнпй рѣби не имѣеть,
ѣжелн-то спѣсобу до тѣго не мѣеть;
То, рѣблячи пѣсудъ тѣбѣ, мѣжеть продавати.

— —
И часомъ той пѣсудъ и въ панѣвъ бивѣеть,
котѣрый панъ озѣра свої собѣ мѣеть.
Такѣй не тѣлько пѣсудъ той бѣдетъ держати,
алѣ и рѣболѣвовъ мѣжеть затыгати
Для домѣшнихъ пожѣтковъ рѣби умовлѣти,
жебѣ не все посилѣвъ въ гѣродъ куповати....

О рѣблящихъ сѣдна водние великие и малые, то есть морские и рѣчные.

— —
А рѣблять окрѣнти, кораблі и гѣмлі,
кѣторги, обшивні, стругі и шугалі.
Также особно рѣблять ліпи и байдакі,
шкуті, дубі и лѣді и човні, и плавничкі....

О партѣсахъ, и учащихся ихъ.

— —
... . же конпѣнѣють глѣси для Бѣжней хвалі:
А хочъ бѣльшей тихъ, що гѣтовое спѣвають,
еднѣкъ и тѣе хвалу Бѣгу отдавѣють.

— —
И при великихъ властѣхъ за спѣваковъ бивѣють,
и за то пудъ часъ людѣмъ на свѣті ставѣють.

— —
Хочъ би поѣтнкъ кто былъ, — не почнѣтъ спѣвати;
ѣсли не вмѣеть партѣсъ, не бѣдетъ ихъ знѣти, —
И не партѣсъ тѣлько, алѣ и прѣмѣля,
а партѣси далѣко труднѣй отъ прѣмѣля....

О костѣряхъ.

— —
... . и на тѣе гдѣ хто щѣастя бѣдетъ мѣти,
запомѣжеться той самъ и егѣ діти.
Лѣчь бивѣеть на малѣй часъ то вспоможенѣя,
же не втѣрпѣти, проигрѣеть, ажъ и обнищенѣя.

— —
гдѣ проигрѣвшисѣ ничѣго дѣтъ, пѣрста одсѣцѣють,
А часомъ отрѣзуютъ устѣ абѣ гѣуби
и ввѣдѣтъ злѣе рабѣ злѣихъ рабѣвъ до згѣуби.
А подѣ часъ за пѣрста ногъ висѣтъ⁽¹⁾ и щѣзѣють⁽²⁾
и нагѣле зъ свѣта сѣгѣ на той взхождѣють....

(1) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (2) Т. е. и повѣшенныя такимъ образомъ погибають.

О свічкаряхъ, що лоевіе свічки роблять.

— —
 где ко́львекъ лоевіхъ свічъ начnúть робіти,
 тамъ стáнуть за полверсты ажъ смрѣди сходити,
 А найбáрзій, где лю́де въ судіпп мочáють,
 а тамъ не такъ, где въ трубка́хъ желізныхъ зробляють.
 — —
 мýсїть мнѳгий наро́дъ свічъ тихъ купова́ти,
 же воскови́хъ не мѳцпо грѳшей настатча́ти,
 Бо въ ка́мень вѳску осмь копъ по́требно вложі́ти,
 а лю́ю ка́менній сімъ за то мѳцпо купі́ти....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны приостановило все свободныя отправления ремесла и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнительно лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными аренами исчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаряхъ*.

И убггій чоловікъ хті́тъ бп рандирѣмъ бити,
 ёслиби то стѳлько мѳля грѳшей рáту платі́ти;
 Ті́лько, же и богáтїи не всякїи то мѳжеть:
 рідко якїи на тѳе суму вложі́ти змѳжеть;
 А хочъ пїзъ и богáчъ есть, тогѳ не достўпптъ
 рандáрскаго урѳду, ажъ большъ рáти постўпптъ;
 И достўппвши, гди ся пощасті́тъ, хлѳбъ ма́еть,
 а́ле посполі́тїмъ южъ лю́дѣмъ перешкажáеть.
 Не вѳльно продава́ти горі́лки пѳкѳму,
 ті́лько то рандарѣві́ ужѣ еднїѳму;
 Та́кже и тютю́ну южъ не вѳльно продава́ти,
 ті́лько до него́ мýсїятъ ході́ти купова́ти;

А если и доготи вкѹпи заарендѹеть,
 то и догтемъ нхтѹ вже бѹльшей не шинкѹеть;
 А йпди въ арендѹ и брага биваетъ, —
 хто не чувалъ съ вѹку, той вѹльми ся удивляетъ.
 А се жъ, мѹвить, якѹе вигадали кадукѹе?
 наши не чували зъ вѹку себѹ и продкуѹе!
 А еслибъ рандовали ещѹ медъ пѹво,
 бѹло бъ южъ всемѹ свѹту найбѹльшее дѹво....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояннн лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеннй между жителями и безпрнютность большнхъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, нмѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— —
 ... по ѳннхъ городѹхъ и хлѹба не знайтѹ
 нечѹного. Мусѹтъ такъ ѳхать абѹ пойтѹ,
 А не тѹлько, же бъ ся могълъ стравѹю пожевѹтъ,
 да и безъ хлѹба пойдеть, хочъ мѹсѹтъ подивѹтъ.
 И зле тамъ, где стравали гѹстѹмъ (¹) не вигѹжаютъ,
 а щѹ гѹршей, же и хлѹба не продавають.
 Звѹчай то въ такѹхъ мѹстахъ назвѹтъ (²) непотрѹбнн

— —
 Рѹзвнн бн то гѹсть мѹсѹлъ бн въ ннхъ хлѹбъ куповѹтн
 и, якъ слѹшно, плѹтою ѹннхъ не вкрнвжати.
 Зачѹмъ въ невнгодннхъ мѹстахъ бѹдѹтъ не бувѹтъ
 гѹстѹмъ, же новнлѹвшн мѹсѹтъ и поѹжжѹтъ.
 И, поѹхавшн, нхъ звнчѹю не похвалять
 и въ далѹкомъ краѹ похваляю не прославѹтъ.
 А то на Внрайнѹ тутъ (Мѹлороссѹйской) не всѹ мѹста внгоднн,
 же, побувѹвшн гѹстѹ, и пойдутъ голѹдни.
 Ежели у кѹго естъ щѹ за харчѹ у вѹзѹ,
 то якъ-кѹльвекъ такѹму надѹя у Бѹзѹ.
 А въ Лѹдзкнхъ и въ Лнтѹвскнхъ краѹхъ продавають
 хлѹбъ и стравн, и кѹрчнн по шляхѹхъ зъ всѹмн внгоднн
 маѹтъ,
 Ажъ гѹстѹвѹ биваетъ вщѹлѹкая внгода:
 кѹнѹмъ харчѹ и самнмъ пѹвомъ и мѹдомъ охолѹда.
 А тутъ въ насъ рѹзвѹ звнчѹя той по мѹстахъ валѹчннхъ,
 якъ-то городѹхъ столѹчннхъ;
 А въ малѹмъ мѹстѹ гѹстѹю не пнтѹя пожнвнтн,
 гдѹбъ ся замѹшкалъ, то могълъ бн дѹшу умѹрѹтн.

Въ сборннкъ свой Кнментѹй ввелъ на лнсткѹ 18, стнхотвореннѹ:
О неготѹющнхъ тнуждѹтнсл чѹстннмъ тнудѹмъ, то естъ о злѹ-

(¹) Т. е. торговымъ людямъ. — (²) Крайнѹ.

діляхъ. При тогдaшнeмъ устрoйствѣ Малороссiи и равнодушiи гетманскаго правительства ко всему, что не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбой и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говорить:

... въ сей нашої страні єсть такіхъ много зiлб.

А теперъ напiбiгло всiюда душъ безбiбiжнихъ,
бо не мiють кiриостей отъ людiей побiбiжнихъ....

Не смiя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинi лицъ, Климентій глухо говорить о *драпiжцахъ, нікогда ненасищiннихъ или тежъ о видiрцяхъ*, подъ которыми нельзя разумiть одну мелкую начальственную братію, а должно разумiть всю облеченную въ законъ правительственную тогдaшню ієрархію: иначе — не пицалъ бы народъ отъ грабителей, притiсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны панугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Речi приповiсть: »Волкъ, що споткiає, то зъяде«:
такъ и чоловікъ драпiжний нікому не даде,
Тiлько радъ кiю-пiбо персiну лупiти,
жеби могъ якожь-кiльвекъ шкатулу набiти.
Кому жъ, речiмъ, подiбнєнь драпiжъ, тiкмо волку?

Далiе онъ указываетъ на самовластiє старшинъ, не смiя, однакoжъ, явно назвать ихъ.

Кромъ цiле ся наречiть самъ всiмъ господiномъ,
вдiй жъ самъ ся постановилъ на то властелиномъ.

Прiєто и мiто добрi бi вибирiть помiрно,
а не згiла оскорблiять бiдний людъ безмiрно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболiе ясномъ свiтi тогдaшняго времени. Общее впечатлiнiє наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація взнемогшая въ отчаянной борьбi и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бѣ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбежно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.

С. Петербургъ.

